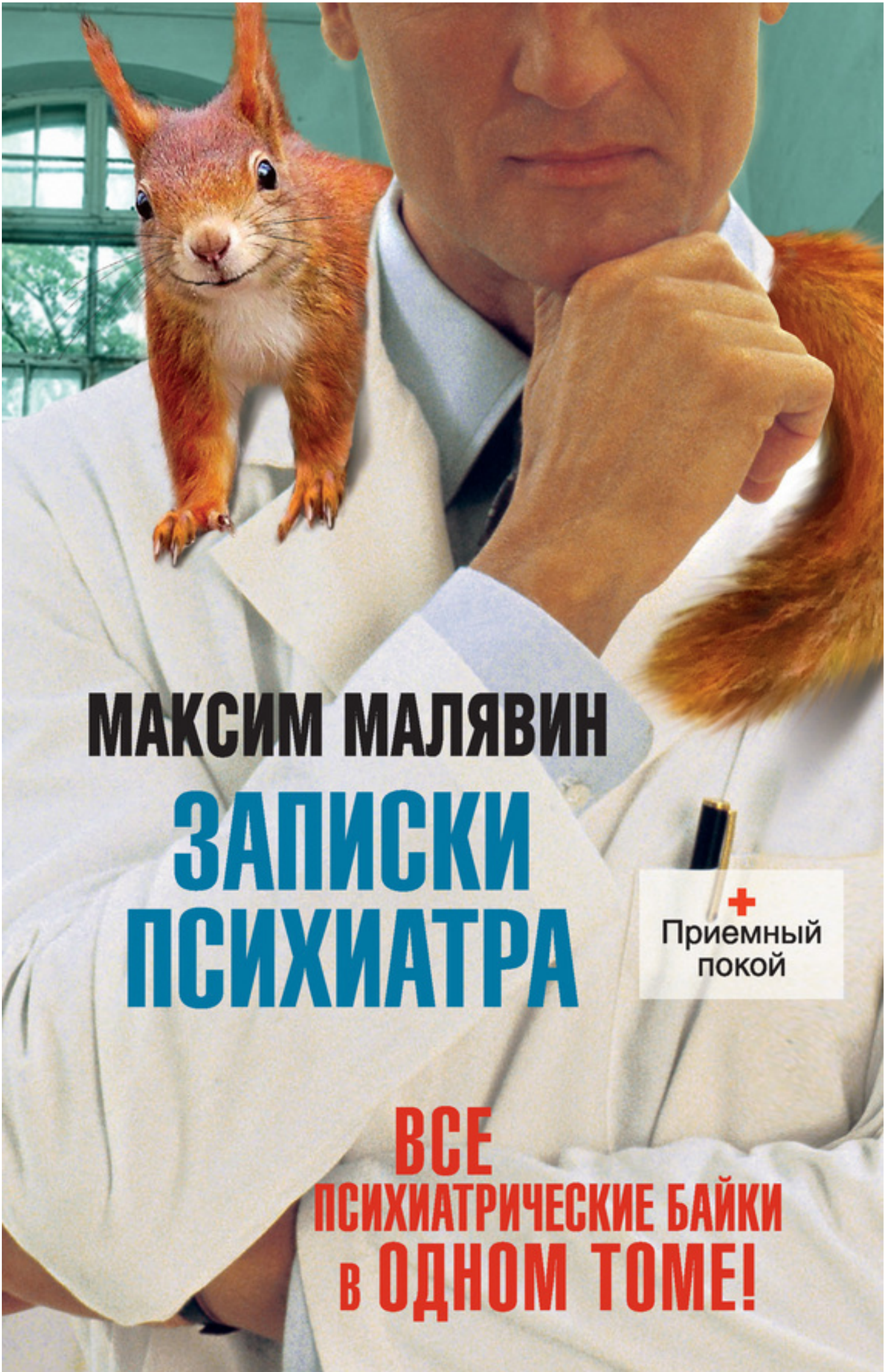


МАКСИМ МАЛЯВИН

ЗАПИСКИ ПСИХИАТРА

+ Приемный покой

ВСЕ ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ БАЙКИ В ОДНОМ ТОМЕ!

Приемный покой

Максим Малявин

Записки психиатра (сборник)

«АСТ»

2012

Малявин М. И.

Записки психиатра (сборник) / М. И. Малявин — «АСТ», 2012 — (Приемный покой)

ISBN 978-5-271-45397-7

Кто сказал, что психиатрия у нас карательная? Ничего подобного. Она у нас утешительно-ласкательная. Не верите? Тогда читайте! Так получилось, что баек о нашем серьезном и уважаемом заведении набралось уже на две книги, поэтому грех не объединить их в одном сборнике. Чтобы два раза с дивана не вставать, в книжный магазин не ходить.

ISBN 978-5-271-45397-7

© Малявин М. И., 2012
© АСТ, 2012

Содержание

Записки психиатра, или Всем галоперидолу за счет заведения 6
Вступление 6
Вуайеристы поневоле 8
Слава ГИБДД! 10
Дерьмовый вызов 11
Бдительный 13
Кинг-Конг 14
Да ты ведьма! 15
Гражданская оборона 16
Пулька 17
Сэнсэй 20
Дадим человечеству шанс 21
Анонимный двойник 23
Уринотерапия 24
Проверяющий 25
Ботва 26
Дурдом 27
Демонический туризм 28
Анатомичка 31
Проф 33
Как вы его назовете 34
Орден почетного алкоголика третьей степени 36
Убойный эпитет 38
Доктор, голос! 39
Средство от соседей 40
Белочка. Она же котик 42
Эпически-ностальгическое 43
Муж и жена 47
То ли лыжи не едут… 49
Дебильная демография 51
Инородные тела 52
Обликвус 53
Еще одна белочка. И лошадка 55
Довженко и не снилось 57
Потусторонняя связь 58
Генерал терапии 59
Газы! 61
Инвестируй правильно 62
Об относительности 65
Брунхильда Степановна 68
К вопросу всеобщей грамотности 70
Килограмм гвоздей 73
С хмутречком 74
Димка 75
Внештатный сотрудник 76
Цветочки-таракашечки 78

Бешеный склероз 80
Ненасытная 82
Гомеопсихопат 84
Аборт похмелья 85
На юг вороны полетели, елки-палки 87
Астрально-сексуальный маньяк 91
Аццкий сотона 93
Наш зав 95
Царь Олег. Очень приятно 96
Кататония-йога 99
Ван Хельсинг 100
Не пей, зомбеночком будешь! 102
Но пасаран! 103
Злостная кверулянтка[29] 104
О галлюцинациях 107
Ипохондричка 108
Подарок для глухого 109
Первертности военной службы 111
Дела экспертные 113
Вишлист 114
Премия Дарвина 116
Призрак курильщика 117
Конец ознакомительного фрагмента. 119

Максим Малявин
Записки психиатра (сборник)

Записки психиатра, или Всем галоперидолу за счет заведения

Вступление

Есть мнение, что не человек выбирает специальность, а очень даже наоборот. Мнение интересное, но, на мой взгляд, оно несколько попахивает фатализмом и умаляет роль личности в истории, пусть даже это история болезни. Все-таки приятно тешить себя иллюзией свободы выбора, будь то выбор профессии или спутницы жизни. Ладно, согласен, со вторым я чрезвычайно самонадеян и нагло себе льщу, но профессию выбрал сам и только сам. Собственно, выбор окончательно сформировался (кристаллизовался, как сказали бы коллеги) к четвертому курсу, когда начался цикл занятий по психиатрии. Все сошлось воедино: и тематика предмета, и характерологические особенности учителей, и особая харизма самой психиатрической больницы, раскидавшей свои корпуса среди вековых деревьев Томашева колка – некогда деревни, ныне одного из районов Самары. Логика и холодный расчет тут и рядом не стояли. А потом был шестой курс, когда более половины всех занятий у нашей особой группы приходилось на психиатрию. А потом – собственно интернатура, которую мы проходили вместе с будущей женой (ни разу не хотевшей стать психиатром, но, поскольку с инфекционистами не вышло, то почему бы и нет?). Интереснейшие и умнейшие преподаватели и врачи, атмосфера старых корпусов (в некоторых сохранились еще те, столетней давности дубовые двери и окна со стеклами в палец толщиной и с отдельной клетушкой для керосиновой лампы между рамами), неповторимая логика и философия предмета – боже, как все это было интересно!

А потом – другой город, другая больница. Дом у шоссе, тогда еще новенький, пахнущий краской, побелкой и свежепостеленным линолеумом. Больничный комплекс, включающий в себя все, что нужно для автономного существования: поликлинику, дневной и круглосуточный стационары, лечебно-трудовые мастерские и даже спецбригаду – этаких гренадеров в белых халатах с бесконечно добрыми лицами. И пара санитарных машин – «барбухаек» для комплекта. И вот уже пятнадцать с хвостиком лет нашей работы здесь. При таком стаже работы кажется, что почти миллионный город отличается от деревни только этажностью застройки и временем на проезд из конца в конец. Стоит же зайти на рынок или просто прогуляться по улице…

– Здравствуйте, как самочувствие? Таблеточки пьете? А отчего вас так долго на приеме не было? Непорядок…

Специфика заболеваний и особенности оказания помощи, порой недобровольной, отгораживают психиатрию стеной недосказанности и таинственности, местами переходящей в паранойяльную озабоченность, с теориями заговора и пугалами карателей от медицины по одну сторону регистратуры, и особым прищуром, с понимающим покачиванием головы – дескать, идейки у вас, батенька, того – по другую. Хотелось бы, чтобы эта книга помогла хотя бы отчасти преодолеть это отчуждение и недосказанность, приподняв завесу тайны над психиатрической кухней. Если нет – опять же, ничего страшного: пугало – тоже имидж.

P. S. Все имена действующих лиц изменены. Любые совпадения прошу считать случайными.

Вуайеристы поневоле

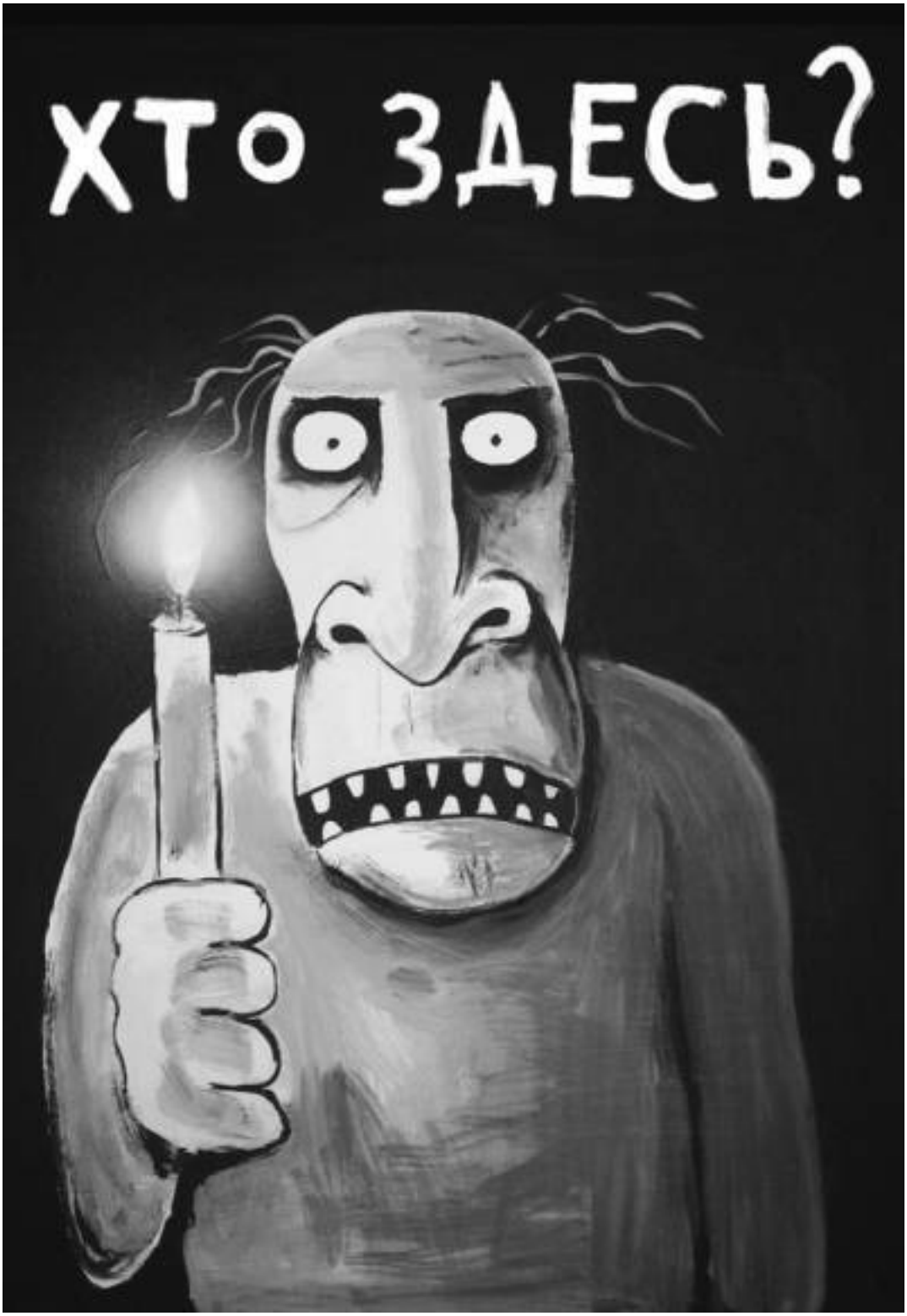
Психиатрические больницы могут располагаться либо в черте города, либо за оной. Причем старые больницы, на мой взгляд, чаще строились все же вне городов. Гатчинская, Калужская, Самарская (когда она строилась, Томашев колок был еще колком[1], а не городским районом), Ульяновская Карамзинка… Эта изоляция пациентов от горожан была на пользу как тем, так и другим. Наша психбольница тоже вначале была у черта на куличках, но потом чью-то голову посетила идея – и ее тогда не сочли бредовой, – что сему заведению самое место на стыке районов. С одной стороны, и медперсоналу на работу ездить недалеко, и больного можно быстро доставить. С другой…

Забрав на очередном вызове буйную пациентку, машина взяла курс на дурдом. Всю дорогу санитары предпринимали безуспешные попытки хоть как-то ограничить метания дамы по салону, потому что вязки, понадеявшись друг на друга, с собой не взяли. Для тех, кто не в курсе: вязки – это несколько метров фланелевой ткани, сложенной и простроченной в виде толстого жгута. Они заменяют такую полезную, но ушедшую в историю вещь, как смирительная рубашка – считается, что этот пережиток темного прошлого позорит психиатрию как отъявленно гуманную специальность и унижает пациента. Ага, а вязки его возвеличивают чрезвычайно. Фельдшер решил, что без пары кубиков аминазина[2] тут никак, набрал шприц, промолвил: «Иншалла, мля», – и влился в коллектив. Теперь один из санитаров пытался удержать больную за руки, другой – за ноги, а фельдшер – оголить ей зад и сделать целебный укол. Игла пронзила мягкие ткани, даму обуяли изумление и душевный трепет, и негодяи мужского пола разлетелись в стороны, аки ласточки (есть, есть женщины в русских селеньях!). В этот самый момент машина вильнула, даму качнуло, она угодила голой попой с победно торчащим из нее шприцем аккурат в открытое бортовое окошко и на некоторое время в нем застряла. Все бы ничего, но в полдень на шоссе очень оживленное движение. «Уазик» с красующейся в окне задницей, увенчанной воткнутым в нее шприцем, гордо обошел строй троллейбусов, автобусов и маршруток (мигалки, сирена, расплющенные о стекла губы и носы благодарных зрителей) и свернул во двор психдиспансера. Занавес, аплодисменты.

---

[1] *Колок* – участок леса посреди поля.

[2] *Аминазин* – антипсихотический препарат. Оказывает сильное успокаивающее действие.


ХТО ЗДЕСЬ?

Слава ГИБДД!

Множество инструкций написано на тему, как себя вести в случае, если вас захватили в заложники. Все они настолько же интересны, насколько малополезны. Прежде всего, редко кто читает подобную писанину именно как руководство для личного пользования – вот, мол, как стану заложником, как блесну знаниями, как поставят мне пятерочку! А оказавшись в реальной ситуации, опять же мало кто сумеет, как положено по инструкции, взять себя в руки, проявлять спокойствие и… что там далее по пунктам? Главное, не перепутать.

Дело было зимой. Снега по области выпало не просто много, а ОЧЕНЬ много. Придя утром на работу, я долго в одиночестве бродил по поликлинике, поскольку сам с грехом пополам добрался на машине, а остальные либо еще ехали в чрезвычайно метеозависимом общественном транспорте, либо до сих пор откапывали свои авто. На очередном витке по коридору меня на хорошей скорости обошел парень в трусах. Собственно, больше на нем ничего и не было. Подлетев к выходу, он попытался в прыжке высадить плечом дверь, но та оказалась крепче. Саданув в нее еще разок, он нахмурился, задумался на пару мгновений, а затем осторожно потянул за ручку на себя. Дверь открылась. Парень с секунду что-то осмысливал, а потом выскочил на крыльцо и рванул по сугробам аки козлик, только его и видели. Выяснять, из какого отделения он сбежал, долго не пришлось: уже через несколько минут по его следам с матюгами пробежали санитары. Как и следовало ожидать, план-перехват результатов не дал. Спецбригада, не успевшая откопать свою барбухайку из-под снега, участвовать в погоне категорически отказалась. А вскоре в приемном покое раздался телефонный звонок. Звонили с поста ГИБДД (это всего в километре от нас по шоссе), просили «забрать своего нудиста».

Как выяснилось позже, наш спринтер просек, что по таким сугробам ему далеко не уйти, да и прикид не по сезону, и выскочил на шоссе голосовать. Причем выскочил в буквальном смысле, как чертик из табакерки материализовавшись перед мирно едущей «десяткой», и, широко расставив руки-ноги, вынудил водителя остановить машину. Представьте себе состояние человека, который едет себе на работу, никого не трогает, плавно переходит в бодрствующий режим, и тут – на тебе, получи, фашист, гранату от советского бойца! А наш пациент, недолго думая, открыл дверь, прыгнул в машину и серьезно так сказал: «Гони, мол, до Уругвая!» Пришлось подчиниться. Спасительный план возник у водителя на подъезде к посту ГИБДД.

По словам сотрудников ГИБДД, они изрядно удивились, когда ехавшая по шоссе «десятка» вдруг резко вильнула и пошла, можно сказать, на таран, лихо притормозив в каких-то сантиметрах от бетонной стенки стационарного поста. Из машины выскочил водитель и бросился к сотрудникам. «Первый раз видел, чтобы нам так были рады», – рассказывал потом один из них. Позже, в одеяле и в наручниках – «а то кто его знает» – беглец был возвращен в отделение.

Дерьмовый вызов

Эпитет «дерьмовый» применяют по делу и не совсем, вкладывая в это изначально яркое и душистое понятие нечто негативное и нежелательное. Бывают, однако, случаи, когда в дополнительных подразумевающихся смыслах и оттенках нет нужды, а суть ситуации передается прямым значением слова. Спецбригада отправилась на вызов. Все как обычно: женщина в обострении, есть показания для недобровольной госпитализации, доступ в квартиру будет обеспечен кем-то из родственников больной. Выехали полным составом – врач, фельдшер, санитар. Остальной персонал приемного покоя коротал время за привычными занятиями: кости, бильярд, книги – что душа просит. Примерно через полтора часа спецбригадовский «уазик» медленно и печально скрипнул тормозами у крылечка. Повисла выдержанная в лучших театральных традициях пауза, во время которой все гарантированно отвлеклись от дел и обратили свое внимание на прибывшую машину, а потом дверь салона медленно открылась. Сначала показался ГРУСТНЫЙ И ВЕСЬ В ДЕРЬМЕ доктор с топором в руке, следом – ГРУСТНЫЙ И ВЕСЬ В ДЕРЬМЕ фельдшер с кухонным ножом в руке, а за ними ГРУСТНЫЙ И ВЕСЬ В ДЕРЬМЕ санитар, держа за ворот ночной рубашки ГРУСТНУЮ И ВСЮ В ДЕРЬМЕ больную. Замыкал процессию ГРУСТНЫЙ И ВЕСЬ В ДЕРЬМЕ водитель. Когда удалось всех отмыть и переодеть, а больную, соответственно, госпитализировать, выяснились подробности. Прибыв на место, спецбригада обнаружила, что встречу им больная подготовила теплую и с запашком. Во-первых, она заблаговременно «заминировала» всю квартиру кучками дерьма на газетках и теперь метко ими кидалась. Во-вторых, по всей видимости, не вполне доверяя метательному арсеналу, больная вооружилась ножом и топором, как те романтики с большой дороги. Операция по поимке и извлечению пациентки из квартиры проходила весело и задорно, с валянием кучи-малы по загаженной жилплощади и изъятием у пациентки колюще-режуще-рубящих предметов повседневного быта российских сумасшедших домохозяек. В машине веселье продолжилось – больная ни в какую не желала признать себя таковой и всеми путями, вплоть до рукоприкладства, старалась убедить медиков, что смена места жительства, даже временная, не пойдет ей на пользу. Ввязавшегося в дискуссию водителя тоже поваляли по салону и, соответственно, угваздали в дерьме. Потом все же умудрились пациентку зафиксировать, сделали аминазин…

В машине потом еще долго сохранялась специфическая аура.

Бдительный

Работал в нашей спецбригаде санитар по прозвищу Бдительный. Трудно сказать, когда и при каких обстоятельствах он получил это прозвище, но соответствовал ему довольно точно и в критические моменты вполне его оправдывал, а однажды даже оправдал сверх ожидаемого. Как-то раз, когда персонал спецбригады коротал время между вызовами, во двор-колодец приемного покоя въехал милицейский «уазик-буханка». Оттуда вышел лейтенант и направился к сидящим на крылечке санитарам и фельдшерам.

– Вашего привез, забирайте.

Бывает, и нередко, что наш пациент, находясь в обострении, что-нибудь натворит или с кем-нибудь поцапается. Тогда его забирают в милицию, а уже оттуда, разобравшись, что к чему, доставляют к нам.

– Только он выходить из машины не хочет, так что вы уж сами как-нибудь…

Бдительный не спеша подошел к машине, открыл дверь и скомандовал:

– Вылазь.

Не дождавшись ответа, он вздохнул, извлек из недр «УАЗа» мужчину и, держа его одной рукой за ворот, а другой за ремень, понес в приемный покой. Лейтенант как раз рассказывал, как к ним попал больной. Увидев Бдительного с добычей, он пару мгновений хватал воздух ртом, а затем выпалил скороговоркой:

– Что вы, что вы, этого не надо, это наш сотрудник, он просто не в форме… немного.

После паузы Бдительный поставил сотрудника на землю, аккуратно отряхнул с него пыль и вновь направился к машине. Пациент с ужасом в глазах выглядывал откуда-то из-под сиденья.

– Вылазь.

На этот раз выносить никого не пришлось.

Кинг-Конг

В отличие от неясной этиологии прозвища Бдительный, с прозвищем моего знакомого и хорошего друга, фельдшера спецбригады, как раз все ясно. Персонал и некоторые пациенты зовут его Кинг-Конг. Почему? Из-за тактики, применяемой им при сопротивлении особо крупных или особо буйных пациентов: он прыгает на них, оплетает руками и ногами и говорит на ушко всякие прелести. Действует безотказно.

Да ты ведьма!

Будучи в обострении, пациент зачастую демонстрирует нечеловеческую силу и выносливость. Кажется, он попросту не задумывается, что ему что-то не по силам, что он способен испытывать боль или уставать. В результате старушка-одуванчик вполне способна запросто спустить вас с лестницы, а тщедушный олигофрен может дать деру от служителей Фемиды с двумя чугунными крышками от люков в каждой руке (металлолом ведь!).

Ольгу привезли в приемный покой в сопровождении наряда милиции. Внешний вид больной здорово напоминал куколку – не фарфоровую, а ту, из которой потом появляется на свет бабочка. В качестве кокона фигурировали вязки. Сколько их ушло на это сооружение, сказать было трудно, но у фараона Рамзеса бы точно глазки от зависти повышибало. Когда кокон развернули, обнаружилось, что на запястьях у Ольги еще и наручники. Правый браслет отдельно от левого, перемычка порвана.

Как выяснилось, Ольга на протяжении недели слышала у себя в голове голоса, которые между прочим сообщили ей, будто соседи по коммуналке участвуют в заговоре с целью ее, родимую, со света сжить и для осуществления своего коварного плана мажут ее дверь особым ядом. Возмущенная их коварством, больная несколько раз пыталась пристыдить негодяев, но те изображали правдоподобное недоумение и продолжали делать свое черное дело. Чаша терпения, и в лучшие времена не особо-то и глубокая, переполнилась, и пациентка, кипя праведным гневом, отправилась выяснять отношения. Злокозненные соседи пытались закрыться на замок в своей комнате, но не тут-то было! Дверь вынесло как пушинку, а чтобы неповадно было запираться впредь, этот мешающий предмет интерьера вылетел в окно (стоит ли упоминать, что открывать дверь было недосуг?). Подоспевший наряд милиции с трудом уговорил Ольгу примерить наручники, но тут соседи вспомнили какие-то старые обиды, выдвинули совершенно необоснованные претензии… Словом, подъехавшая следом спецбригада успела к моменту, когда такая нужная в хозяйстве вещь, как наручники, была порвана, как та грелка.

В наблюдательной (эвфемизм слова буйный) палате нашего Самсона в юбке во избежание эксцессов привязали к койке – целое искусство, знаете ли, мастера БДСМ нервно курят в углу. Больная громко и в доходчивой манере изложила окружающим свою позицию по этому вопросу. На шум откликнулась другая пациентка, Валя, тоже привязанная к койке в паре метров от Ольги (накануне она поколотила соседок по палате, выясняя, кто из них увел ее жениха).

– Это ты моего парня к себе присушила! – безапелляционно заявила она вновь прибывшей.

– Тебя, дуру, не спросила! – откликнулась та в сердцах.

– Да ты ведьма! – резюмировала Валя.

Думаете, на перебранке все и закончилось? Как бы не так! Когда кипящий в двух сердцах гнев нашел точку приложения, ничто уже не могло помешать дамам перейти от слов к действиям. Подпрыгивая и раскачивая койки, противоборствующие стороны сближались сантиметр за сантиметром, пока, наконец, не коснулись друг друга… Санитарки, которые через некоторое время заглянули в палату, увидели лежащих бок о бок на вплотную сдвинутых койках Олю и Валю. Заплеванных, уставших, но донельзя довольных каждая собой!

Гражданская оборона

В каждом государственном медицинском учреждении есть должность начальника или ответственного за гражданскую оборону. Точнее не помню, да и не в названии суть. Как правило, назначают на сие непыльное место отставных военных, взаимоотношения которых с развеселым медицинским коллективом неизменно окутывает легкий флер ебанутости с привкусом чего-то квадратообразно-уставного. Наш ГО-шник имел за плечами солидный опыт общения с персоналом психдиспансера, посему взаимная любовь была так же выдержана и крепка, как хороший дорогой коньяк.

…Планерка плавно перетекла в очередную лекцию по ГО. Жертва составленного в начале года графика монотонно зачитывала порядок действий при нанесении противником ядерного удара, большая часть присутствующих погрузилась в транс, кто-то уже начал похрапывать, и тут оборонщика посетила светлая, как ему показалось, мысль.

– Предлагаю ввести совместные со стационаром практические занятия с обязательной сдачей нормативов и зачетов, с привлечением наблюдателей из городского штаба ГО!

Начмед[3], подпрыгнув от неожиданности на месте, вкрадчиво спросил:

– И давно вас стали посещать такие, мммм… конструктивные идеи?

Не придавая значения профессиональному интересу, вспыхнувшему в глазах докторов, отставной полковник четким шагом пересек кабинет и положил перед начмедом пухленькую папку, завязанную на аккуратный бантик.

– Сергей Витальевич, ознакомьтесь с моими соображениями по данному вопросу и разработайте соответствующий план мероприятий. Потом доложите.

Таким же четким шагом он вышел из кабинета и закрыл за собой дверь. Последовала минутная пауза, после чего заведующая дневным стационаром задала вопрос:

– Что будем делать, доктора?

Зав. пятым отделением предложил:

– Может, подкараулить вечерком, да навалять хорошенько?

– Или кого из больных того… правильно сориентировать, – подхватила идею зав. вторым отделением.

– У меня мысль другая, – отозвался начмед, – давайте в розетку в его кабинете встроим динамик, а микрофон и усилитель поставим у меня. Все желающие пусть приходят ко мне и говорят в микрофон все, что о нем думают. А когда, – он мечтательно возвел глаза к потолку, – ГО-шник придет жаловаться, что СЛЫШИТ ГОЛОСА ИЗ РОЗЕТКИ, КОТОРЫЕ ЕГО РУГАЮТ, тут нам и карты в руки.

Надо сказать, что идеи, витающие в воздухе, зачастую все же реализуются, хоть и не всегда ожидаемым образом. Динамик так и не поставили, зато отставной полковник таки попал в психбольницу. С белой горячкой, после запоя.

---

[3] *Начмед* – начальник медицинской службы, заместитель главного врача по лечебной работе, занимается тонкостями и казусами лечебного процесса в больнице.

Пулька

Была у меня на приеме дама лет шестидесяти пяти с просьбой избавить ее от «пульки» в голове.

– Да как она туда попала?

– Вы не поверите!

– Ну, милая моя, мы говорим за лечение, а не за веру, посему внимательно вас слушаю.

Скорбный вздох, печальный взгляд.

– Заболело два года тому назад ухо. Я пошла к лору. Она мне сразу не понравилась: такой, знаете ли, жесткий взгляд, а слова ласковые – убаюкивает, значит. И, пока ухо смотрела – раз! – и одним движением, я и заметить-то ничего не успела, а она уже все сделала.

– Что именно?

– Как что? Пульку в голову засунула, и так ловко, что я и не сразу поняла. Наивная! А через неделю почувствовала: пулька в голове начинает шевелиться, и от этих шевелений у меня все тело сводит, да так неприятно! Ну, я бегом к ней разбираться, а она меня словно в первый раз видит: не понимаю, мол, о чем вы. Какова змеюка!

– А снимок, рентгенографию черепа делали?

– А как же! Только пулька особой оказалась, не видит ее рентген.

– А к нам вы как попали?

– Так пошла к нейрохирургу, а он говорит, что дело деликатное, можно во время операции случайно полушарие задеть. Правое. А оно за логику отвечает. А мне без логики никак.

– И?

– Он и говорит: в таких тонких материях, мол, только психиатр может помочь. Есть, говорит, у психиатров особые таблетки, так они эту пульку заставят выйти естественным путем. И полушарие не заденут.

– Какой же грамотный вам попался нейрохирург! Полностью с ним согласен. Ну что же, вот вам заветный рецепт, вот тут я написал, как принимать, через недельку жду на прием, приходите, погляжу на вас еще.

К слову, параноидная симптоматика с ощущениями чего-то инородного в организме – это отдельный разговор. Когда мы еще были интернами, нам предоставили возможность убедиться в том, что идеи и ощущения психотического уровня крепче железобетона и В ПРИНЦИПЕ не поддаются переубеждению и психотерапевтическим приемам.

Был случай, когда больная утверждала, что ее изнасиловали (враки и женские мечты; хотел бы увидеть то мачо с полным отсутствием зрения и зачатков интеллекта, а также инстинкта самосохранения), пусть милиция и отрицает сие леденящее кровь действо. При этом во время второго акта Марлезонского балета ей, якобы, поместили во влагалище пачку швейных игл (насильник, видать, был энтузиаст, к делу подошел изобретательно, с задором). Иглы разбрелись по организму, и больная ощущает их перемещение и покалывание. Заручившись одобрением начальства, мы принялись за дело. Выяснили у пациентки, сколько приблизительно было игл, какого размера, а потом купили и заржавили потребное количество. В назначенный день водрузили даму на стол процедурного кабинета, расчехлили аппарат для электрошоковой терапии (его окрестили медицинским импульсным магнитом) и приступили

к действу. Периодически находилась иголка («вот она, вот она, кончик уже показался, не упусти!»), со звоном падала в лоток, медсестра мониторировала пульс и давление, ассистент вытирал со лба клоуна – «оперирующего врача» трудовой пот… Поиск всех игл занял час. Больную поздравили с успешно прошедшей операцией, а на следующий день во время обхода она вспомнила, что «еще в задний проход мне иголки тогда засунули», и вот они-то сейчас так колют, просто караул. Занавес.

В другом случае, по словам пациентки, у нее в животе завелась лягушка. Как завелась? Да в кувшин с молоком залезла, а больная наша его и оприходовала. Залпом. Жарко было, пить хотела. И теперь никакой личной жизни: то земноводное в животе квакнет, то выглянет срам сказать откуда! Лягушкой запаслись на кафедре нормальной физиологии (реолапку все помнят?); решили, что выманивать будем на живца. Вы пытались когда-нибудь привязать муху к длинной нитке? Попробуйте, муха узнает много новых слов! Лягушку «выманили», посадили в баночку, предъявили хозяйке.

– Это не она!

– А КТО это тогда?

Пауза.

– Это ее дочь! У той глазки были умные, и квакала она громче, увереннее, что ли…

С тех пор – только адекватная медикаментозная терапия!

Сэнсэй

Павла Яковлевича Бондарчука я называю Сэнсэем в прикладной психиатрии-до, особенно касаемо раздела военно-психиатрической экспертизы. Будучи на интернатуре, мы под его ненавязчивым руководством несколько месяцев посвятили этой дисциплине. Сразу подкупило и расположило к себе отношение Сэнсэя к дисциплине и высиживанию рабочего времени: оно было сугубо пофигистическим. Он считал, что дисциплиной, порядком, хронометражем и всяким прочим калом занимается тот, кто в принципе не способен на что-то большее. Приходи хоть на час позже, уходи хоть на два раньше, главное – делай работу. И делай ее хорошо, «с задором, Максим Иванович, с любовью, с тихой грустью, а главное – вдумчиво. Не то пропустите дебила, а он возьмет и до звания майора нашей родной Советской Армии дослужится, а Павлу Яковлевичу потом списывай красавца, красней от имени всей отечественной психиатрии».

Случай с майором, кстати, действительно имел место быть, хоть и не при нас. Работать вдумчиво Сэнсэй учил, втолковывал, объяснял, иногда используя для этого совершенно непривычные методы. Например, в кабинет заходил призывник, здоровался, представлялся… и покидал кабинет. Хитро щурясь, Павел Яковлевич вопрошал:

– Какая статья?

Мы должны были установить предварительный диагноз, исходя из того, как призывник зашел, как глядел, как поздоровался, какие эмоции продемонстрировал, как отреагировал на то, что его прервали и выставили из кабинета и прочая, и прочая. Как-то в момент таких разборов дверь приоткрылась, и в кабинет заглянул вихрастый парнишка в фуфайке, замызганной рубашке и с золотым в красный горошек галстуком поверх этого великолепия.

– Боец, закрой дверь с той стороны, быстро! – приказал Сэнсэй и, повернувшись к нам, спросил:

– Ну, а это? Правильно, Оксана Владимировна, это умственная отсталость, поставьте себе «пять» и возьмите тридцать капель коньяка из моей тумбочки, вы это заслужили, военная психиатрия может спать спокойно, дебил не пройдет!

Закончив осмотр призывников, обитатели ординаторской принимались за начертание актов, мученически глядя в потолок. Писать не любил никто, хотя все это умели. Сэнсэй, окидывая взглядом вверенное ему подразделение, горестно изрекал:

– Случилось страшное, Оксана Владимировна! У нас на подходе семнадцать актов, а насчет цитрусовых мы не подсуетились! Вовчик, ты в ларек сегодня не пойдешь. Прояви снисходительность к расшатанной психике главного врача, он при мне уже давал аффективную реакцию по поводу твоих приходов на работу в половине двенадцатого. Лично я ничего против не имею, только не надо делать это под его окнами, чеканя строевой шаг и со знаменем двенадцатого отделения в мозолистой руке, ведь есть калитка, и не одна. Нет, в киоск за цитрусовыми сегодня идут интерны.

Отношение к спиртному в отделении было правильным, без примеси административного ханжества, но и без люмпен-пролетарского фанатизма. Шутки шутками, но потом, работая в составе призывной комиссии, мы не без гордости обнаружили, что Сэнсэй все же сделал из нас работоспособных военных экспертов, за что низкий ему поклон.

Дадим человечеству шанс

Задаваясь вопросом, каким же законам логики подчиняется построение бредовой конструкции наших пациентов, главное – не слишком досконально и придирчиво следовать всем логическим изгибам, соскальзываниям с наметившейся дорожки на новую, произвольного направления тропку, и резонерским лабиринтам. Оттуда, куда вы можете забраться, не всякий навигатор выведет. Для попытки (чаще всего заведомо бесплодной) скорректировать всю систему изнутри, играя роль двойного агента, надо иметь крепкую психику. В идеале – еще одну, запасную. Вот вам пример бреда Котара[4] в лицах.

Жанна (пусть ее будут звать так) ходит в диспансер раз в месяц. Лекарства, уколы, беседы. Красивая девушка, одевается и делает макияж с ненавязчивым готическим акцентом. Собственно, о начавшемся обострении можно судить как раз по степени готичности. Как только место слегка экстравагантной девицы занял образ вампира или средней свежести зомби из очередного триллера – все, готовьте место в наблюдательной палате. Жанна оседлала очередного апокалиптического ишака.

– Жанна, что с тобой случилось?

– Доктор, все кончено, – голос трагический, со свинцовыми нотками.

– Ну, ничего, если учесть, что за последние полтора года «все кончено» только один раз.

– На этот раз миру не выжить. Какая же я сволочь! – Расфокусированный взгляд и отрешенно-скорбная маска.

– Ну, что ж ты так сурово с миром; глядишь, все еще и обойдется. Опять же, все как-то не вовремя, я еще за кредит не рассчитался, дачу не достроил. И на себя зря наговариваешь: родители любят, муж души не чает, а ты…

– Мир уже начал гибнуть. Вы тоже скоро это заметите. Это началось во мне, вот здесь. – Жест в сторону низа живота.

– Эээ… ты имеешь в виду, что скоро все этим накроется? Жанночка, солнце, как оборот речи это вполне сойдет, но если толковать буквально, то масштабы несовместимы, или я ничего не смыслю в географии. Ты не внесешь толику ясности?

– Ничего вы не поняли, доктор. У меня здесь все заросло и рассосалось. И детей больше не будет. И ни у кого детей больше не будет. И все человечество вымрет. А все оттого, что я больше никого не смогу родить.

– Это окончательно и бесповоротно? А с чего ты взяла, что у тебя больше не будет детей? Голоса сказали?

– Нет, я просто это знаю, – голос становится еще более трагическим, хотя казалось, что это невозможно. – И все внутренности у меня сгнили. Кишечника нет. Желудка нет. Печени нет. Легких нет. Сердца нет.

– Стоп-стоп-стоп. А говоришь-то ты как?

– Что значит «как»? Рот остался, язык остался. Даже немного пищевода осталось.

– Да? А у меня, если честно, были другие соображения по теории возникновения звуков. Ну да ладно. Теперь насчет сердца. Возьми фонендоскоп. Приложи сюда. Это вставь в уши. Слышишь? – Жанна недоверчиво кивает. – Верни фонендоскоп на родину и ответь – что это было?

– Аорта, доктор. Аорта. Брюшная. Не успела сгнить и рассосаться.

– Точно. А я и забыл. И ты ничего теперь не ешь и не пьешь?

– А зачем есть? Пить – пью, иначе во рту сухо.

– А куришь?

---

[4] *Бред Котара* – ипохондрический депрессивный бред в сочетании с преувеличениями.

– Да.

– А зачем? Легких-то нет.

– Привычка, доктор. И запах мне нравится.

– И что же мне с тобой делать, Жанна?

– А давайте вы меня в больницу положите, – слегка оживившись.

– А смысл? Человечеству и так с твоей легкой руки и атрофировавшейся гинекологии скорый кирдык светит. Чем тебе наша больница поможет?

– Там компания хорошая. Они меня понимают и жалеют. А еще в прошлый раз у меня тоже все внутри отсыхало и выкрашивалось – ну, помните, когда из-за меня Индокитай чуть не утонул – так вот, мне тогда лечение помогло, все обратно как-то выросло.

– И Индокитай как-то выплыл…

– Вот я и думаю: может, и на этот раз пронесет?

Такую робкую надежду обязательно надо поощрять. Доктор пишет направление. В приемный покой вызывают заведующую женским отделением – принимать вновь поступившую. У человечества появился шанс.

Анонимный двойник

Когда мы еще были на интернатуре, нам поведали об интересной теме, по которой один из сотрудников написал кандидатскую диссертацию. Дело в том, что пациенты с бредовыми расстройствами по определению не имеют критики к содержанию, фабуле своего бреда. При этом они вполне адекватно могут воспринимать то, что к этой фабуле прямого отношения не имеет. То есть, если дядечка считает, что соседи воздействуют на него через розетку лучами смерти, то он будет предпринимать соответствующие меры самообороны, но в пределах квартиры. А на улицу за хлебом в каске из фольги не пойдет. Суть описанной в диссертации методики заключалась в том, что доктор в доверительной беседе рассказывал пациенту о некоем больном, у которого… далее шло описание бреда, идентичного по содержанию тому, что имел пациент. Затем доктор просил собеседника высказать свое мнение по этому вопросу. Подавляющее большинство ответов звучало примерно так:

– Ну и дурак же этот ваш Иван Петрович! Такую бредятину несет! Вот у меня все серьезно…

Уринотерапия

Недавно в очередной раз наткнулся в газете на клятвенные уверения какого-то народного целителя, что его метод рулит. И далее по тексту: «опасайтесь шарлатанов». Хороший ход. И народ предупредил, и сам по нужную сторону баррикад очутился. Я сразу вспомнил про нашего учетного больного, шизофреника со стажем, инвалида второй группы. Он на полном серьезе практикует (не для себя, для прочих страждущих) прогрессивный метод – уринотерапию. У него даже корочки народного целителя есть. Своим целительством он зарабатывает неплохие деньги. А началось все с галлюцинаций. Наши больные слышат очень разные «голоса». Относятся к ним тоже, соответственно, по-разному. Александру (уринотерапевту), можно сказать, повезло. Его «голоса» дали ему совершенно четкие и недвусмысленные трудовые рекомендации. Он послушался и не пожалел. И семья не пожалела: человек при деле, денежку в клювике в дом тащит, все довольны. То, что рецептуру и тонкости применения надиктовали все те же галлюцинации, тоже никого не смущает.

При этом домочадцы тонко чувствуют момент, когда народного целителя пора отправлять в дурдом. Сигналом к атаке служит момент, когда Александр окапывается на подступах к унитазу с трехлитровой мензуркой наперевес. Вот тогда-то и набирается заветный номер спецбригады, иначе мензурка коллективными усилиями семьи будет наполнена, а потом и выпита под неусыпным контролем больного.

Все правильно: страждущих исцеляй, пусть хоть ныряют, а семью, гад, не трогай!

Проверяющий

Как учили нас классики партийной пропаганды, со временем коммунистическое мировоззрение обуяет широкие массы людей, и принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям» можно будет применять, не опасаясь того, что потребности могут оказаться непотребно чрезмерными. До этого светлого момента в отдельно взявшейся социалистической стране должны рулить учет и контроль, а то вдруг кому-то не по труду захорошеет. Социализм сгинул, уступив место недоразвитому капитализму с феодальными замашками, а привычка проверять и контролировать осталась. Привычки, особенно дурные, они очень стойкие. Есть у нас на учете пациент. Обострения у Виктора (назовем его так) обычно бывают ранней весной. Маниакально-параноидный синдром, возникающий с завидным постоянством. В его исполнении обычно это выглядит так: рано-рано утром чуть ли не пинком открывается дверь какого-нибудь (предугадать трудно) отделения милиции, и на пороге появляется наш герой. Бодрый до омерзения, подтянутый и энергичный, он по-хозяйски окидывает взором помещение и укоризненно заявляет:

– Спим на боевом посту, товарищ как-вас-там? Ай-ай, нехорошо! А я, собственно, к вам тут с проверочкой, давно было пора, да все дела, дела…

С этими словами он трясет под носом у сонного дежурного каким-то документом. Документ требует отдельного описания. Если бы милиционеру удалось сразу и в подробностях его рассмотреть, то выяснилось бы, что это обычный паспорт. Но! В него вклеен аккуратно вырезанный оттиск гербовой печати. Как-то, еще во времена правления Бориса Николаевича, Виктор написал президенту гневное письмо: дескать, смотри, до чего довел страну, как, мол, тебе не совестно! А в администрации президента кто-то возьми да напиши вежливо-нейтральный ответ ни о чем. Проникся наш пациент: как же, ответили, значит – право имею! Тут-то фабула бреда и сложилась окончательно. Мол, не хватает у президента времени ментовской произвол отслеживать и пресекать, посему и облекают его, Виктора, властью и чрезвычайными доверием. И наш пациент вырезал из письма гербовую печать, наклеил ее в паспорт и отправился творить добро направо и налево.

– Так, голубчик, распорядись-ка, чтобы машину сей же момент подали, поедем полюбуемся на ваши посты!

Вы не представляете, до чего убедительным может быть маниакальный больной. Иногда дело доходило даже до посадки в машину. Потом все же срабатывало профессиональное чутье, более тщательно проверялись документы… Стоит ли говорить, что в приемный покой сердитые милиционеры обычно доставляют Виктора слегка помятым? Думаете, это его чему-нибудь учит? Только тому, что он не «проверяет» дважды одно и то же отделение. А служивые до сих пор ведутся.

Ботва

Каких только высот полета фантазии и глубин дремучего подсознания не достигает порой человек в погоне за чувственными наслаждениями! Изобретательность и изощренность подобных товарищей способна повергнуть в ступор даже бывалых медиков. Иногда – даже патологоанатомов. Впрочем, этот случай даже в чем-то прозаичен.

Историю мне поведали в спецбригаде. Был у них вызов – один наш больной затолкал себе в зад морковку, а она возьми и там останься, коварно выскользнув из шаловливых ручонок и скрывшись за плотно сомкнувшимся сфинктером. Повезли эту жертву страсти к корнеплодам в хирургию, а там вышла заминка: дело было ночью, и никто ректострадальца на пороге с красной ковровой дорожкой не ждал. Велели обождать. Больной мечется, стонет, а санитар дремлет вполглаза. Больной пытается привлечь к себе внимание, дескать, сейчас умру, не испытав любви. Санитар берет его за шиворот и ласково предлагает:

– Слушай, поехали обратно, что-то долго они копаются.

– А как же я… то есть у меня… то есть во мне?..

– Да ты не суетись. Положим в отделение, подождем, пока ботва вырастет, и выдернем!

Дурдом

Часто слышу это слово. Что интересно – чаще от гостей и обитателей нашего учреждения, чем от его сотрудников. Вспомнил выражение одного коллеги-психиатра из Самары, человека очень культурного и эрудированного: «Я работаю в серьезной и уважаемой государственной организации. А когда после работы выхожу за ее стены, то попадаю в настоящий дурдом». Раз уж подвернулась ассоциация, расскажу еще одну историю, которая произошла в бытность нашу студентами. Весна. Двадцать второе апреля. Ленинский субботник. Психиатрическая больница. Персонал сажает кустики, деревца-саженцы, точнее, готовит под них ямки. Руководит этой экзекуцией товарищ то ли из обкома, то ли из еще какой-то важной общественной организации. Идет он, любуется процессом чужого труда и вдруг обнаруживает прямо по курсу практически готовый одиночный окоп, из которого виднеется только макушка да через равные промежутки времени вылетает очередная порция грунта. Рядом аккуратно сложены пиджак, галстук и рубаха. Потеряв дар речи, товарищ приближается к брустверу. В окопе размеренно, с мечтательно-медитативным выражением лица вгрызается лопатой в суглинок доцент кафедры психиатрии. Проверяющему потребовалось несколько секунд напряженного мыслительного процесса, чтобы правильно сформулировать вопрос:

– Э-э… от какой организации копаем, товарищ?

– Дурдом-с, – невозмутимо отозвался доцент, – хорошо-то как, боже мой! Воздух, птички…

Демонический туризм

Со времен Стивена Кинга, после романов которого даже ночной поход в туалет можно было смело вносить в копилку храбрых поступков, демоны и прочие потусторонние обитальцы явно перевоспитались, обрели харизму и хорошие манеры, а то и вовсе научились делать добрые дела и широкие жесты – прямо не силы зла, а потусторонняя благотворительная организация, вроде Красной Пентаграммы. Но наших пациентов не обманешь, у них есть опыт личного общения, который подсказывает: если демоны и читают про себя в книжках, то только с целью поржать над умильно-дебильными персонажами и тут же под настроение совершить какую-нибудь пакость. Ибо не фиг расслабляться.

Дмитрий (пусть он будет Дмитрием) знаком с демонами уже много лет. Он даже мог бы написать про них книгу, но не фантастическую, а документальную. Он-то знает, что эти бестии постоянно крутятся поблизости, вылавливая тех, кто послабее. Зачем? Дело в том, что сами они проявиться в этом мире не могут. Это как идея, которая вроде бы витает в воздухе, но сама по себе воплотиться не может, пока не овладеет чьим-то разумом. Мы же не видим призрак коммунизма, а вот членов партии запросто можно наблюдать воочию. Понятно, что у призрака к партийцам наверняка много вопросов и пожеланий, далеко не все из которых можно выразить приличными словами, даже прибегнув к метафорам и эвфемизмам, но… ладно, это уже другой вопрос…

Итак, с точки зрения Дмитрия, люди делятся на две категории: тех, кто способен увидеть демонов, и тех, в кого демоны могут вселиться. При этом обитатели альтернативного измерения очень не любят представителей первой группы и всячески стараются навредить им, вселившись в представителей второй. Оно и понятно: кому приятно, когда подсматривают за твоими шалостями! Опять же, одно дело – питаться где-то там у себя всякой нематериальной, идейно зараженной и мистически модифицированной гадостью, и совсем другое – кошерная человечинка. Приближение очередной волны потустороннего десанта Дмитрий чувствует заранее: сначала все события вокруг – взгляды прохожих, номера машин, заголовки газет: вдруг приобретают дополнительный, особый смысл. Потом пропадает сон, и ночь становится временем тревоги, мегалитров чая и многих метров выкуренных сигарет. И еще ожидания, напряженного ожидания: кто же на этот раз?

Обычно это домашние: то у матери глаза вдруг превратятся в черные бездонные дыры, то у отца изменится тембр голоса, вдруг прибавив к своему обычному звучанию визг на грани слышимости в сочетании с ужасным, пробирающим до костей, чуть ли не инфразвуковым

басом, то у сестры начнут смазываться черты лица, чтобы почти сложиться в нечто хищно-рысье. И все. Домой можно не приходить – ЭТИ теплых чувств не знают. Только потусторонний холод и неприкрытый кулинарный интерес.

Церковь не помогает, Дмитрий уже пробовал. До сих пор вспоминает, как хищно смотрели бабульки-одуванчики, как облизывался и потирал руки батюшка – Дмитрий еле ноги унес, а то был бы раб божий, копченый с ладаном. Ходил к экстрасенсу – тоже сплошное разочарование. Дама, к которой он обратился, аж затряслась от радости, когда его увидела, – мол, вижу корень всех твоих бед как наяву, сейчас будем из тебя лярву выгонять. А сама то рожки тайком почешет, то копытцем цокнет. Курва.

В общем, как только в город с целью гастрономического туризма прибывает очередная группа демонов, Дима идет сдаваться в дом у шоссе. Там спокойно. Там персонал-кремень. Правда, порой то у доктора лицо поплывет, то сосед по палате клыки отрастит, но это уже такие мелочи! Посоветуешь доктору взять себя в руки, а на соседа пожалуешься медсестрам – и все снова стабильно и спокойно. Перед психиатрией демоны бессильны. Они, правда, пытаются навещать Дмитрия под видом тех же родственников, но присутствие санитара, такое монументально-умиротворяющее, держит их в узде, хотя, конечно, несказанно огорчает. Отбытие потусторонней тургруппы Дмитрий чувствует по тем же родственникам: они становятся теплее и человечнее, да и лица перестают искажаться. Можно без опаски проситься домой.

Анатомичка

Наша институтская анатомичка сама по себе была сооружением выдающимся. Говорят, когда-то до революции в ней располагалась школа пивоваров под чутким патронажем графа фон Вакано. На фронтоне вроде бы даже угадывается старательно заштукатуренный барельеф пивной бочки. Возможно, сей замечательный исторический факт наложил некий кармический отпечаток на здание и его обитателей (живых, я имею в виду). Во всяком случае, многие студенты были бы не прочь залить пивком стойкий запах формалина и горечь незаслуженно (или заслуженно, все равно обидно) обретенного «банана» по этой фундаментальной дисциплине. Преподаватели (в большинстве своем бывшие хирурги) тоже старались перебить формалиновую ауру и впечатление от студенческих перлов – «череп, он же по-латыни СРАНИУМ» [5] – чем-нибудь покрепче чая.

Запах, надо сказать, был убойным. Он насквозь пропитал все помещение, от глубоких подвалов до низенького чердака, забираясь под своды пятиметровых потолков и гуляя по пролетам широкой центральной лестницы: три этажа вверх, потом обратно. От него слезились глаза и начинала болеть голова. Зато все анатомические препараты были настоящими. У трупа фиксировался крупный сосуд, и в него шприцем Жане[6] закачивался формалин, вытесняя кровь. Затем тело помещалось на длительное время в ванну с все тем же формалином и извлекалось при необходимости приготовить мышечный, сосудистый или нервный препарат, целиком или частями. Тела либо их части хранились в подвале в открытых ваннах; лаборанты по мере надобности разносили их по учебным классам, раскладывая на каменных столах. Чтобы препарат не пересох, его накрывали тканью и поливали водой. Время от времени препараты приходили в негодность, и тогда вставала проблема их захоронения. На нашей памяти произошел инцидент, когда два преподавателя, потратив выделенные для захоронения средства на свои нужды, просто сбросили кучу нетленных в прямом смысле останков то ли в овраг, то ли с обрыва рядом с Волгой и закидали снегом. По весне снег сошел, и некий гуляющий гражданин обнаружил, к своему ужасу, всю эту горку нетленки-расчлененки. Милиция, расследование, вазелин, объяснительные…

Учили хорошо, на совесть. Многие оставались по вечерам, помогали или самостоятельно (гордость за себя и уважение однокурсников!) препарировали трупы. Я тоже не избежал соблазна и на протяжении нескольких месяцев проводил все вечера в густо проформалиненной атмосфере под звук мерно осыпающейся с потолков штукатурки (о-очень старое здание!). Однажды преподаватель попросил:

– Ты сходи, достань голову из подвала. В левом углу, подальше, есть чан, их там несколько плавает. Выбери посимпатичнее, мы из половины сделаем препарат мимических мышц, а из другой – сосудистый.

И пошел я в подвал. Не сказать, чтобы этот поход совсем уж повергал меня в душевный трепет, но посудите сами: из-за сгнившей проводки там не было света. Во всем здании осталось человек семь-восемь, включая сторожа (хронически навеселе, и никто ему не пенял, понимали). Тишина, как на кладбище. В общем, настрой – готика с налетом романтики. Взял спички, иду. Подвал большой, идти далеко, причем по деревянным мосткам: с потолков капает, вода собирается в лужи, и как-то исправить это, а заодно и сгнившую проводку, взялся бы разве что фон Вакано, но он шлет приветы сами знаете откуда. Дошел, отыскал чан, голову взял. Стою и понимаю, что сам себе создал проблему на пустом месте: спички в кармане белоснежного (ну, почти белоснежного) халата, руки в формалине и еще в какой-то гадости

[5] На самом-то деле, конечно, «cranium».

[6] *Шприц Жане* – шприц для промываний, отличающийся значительными объемами (100–200 мл).

(на стенках емкостей живет плесень, которую не берет даже формалин). И обе руки держат за уши голову. Стою, пытаюсь вспомнить, по какому азимуту шел сюда. И тишина! Впрочем, тихо было недолго. Спустя минуту или две я услышал в кромешной темноте ШАРКАЮЩИЕ ШАГИ, сопровождающиеся звуком формалина, бодрой капелью барабанящего по доскам настила и лужам на полу. Логическое осмысление ситуации помахало ручкой и упорхнуло, оставив меня наедине с богатым, мать его, воображением. Шаги меж тем приближались, пока не замерли в паре метров от остолбеневшего меня. Послышался звук, будто кто-то носом втягивает воздух. «Твою мать, сейчас учует – и трындец котенку». Я вытянул вперед руки, прикрываясь головой, как щитом. Впереди зажглась спичка…

На наш с лаборантом (это был он) хоровой вопль сбежались, сжимая в руках подручные средства обороны, остальные завсегдатаи анатомички. Как выяснилось, с лаборантом сыграло злую шутку его хорошее знание подвала. Спичками и фонариком он пользовался, только когда надо было подсветить содержимое чана. Выудив ногу (это с нее капало), он неспешно двинулся вглубь, остановился неподалеку от меня и хотел посветить в чан с руками. Заминка объяснялась тем, что он положил ногу (не свою) на край чана, вытер руки, зажег спичку…

– Я успел увидеть две руки, которые держат за уши голову. И все, и меня переклинило!

Мы сидели всем вечерним составом за накрытым чем бог послал каменным столом с дыркой посередине[7], пили коньяк – дежурный преподаватель не пожалел двух бутылок из заначки – и с некой гордостью поглядывали друг на друга: вот оно, рождение легенды!

[7] Дырка в столе для того, чтобы при препарировании в нее стекали излишки жидкости, а если стол стоит в морге – то и кровь.

Проф

Это случилось еще в мою бытность студентом; по ощущениям все было пару лет назад, а на самом деле в конце 80-х – начале 90-х. Самара. Общага № 3 на Гагарина. Такая девятиэтажная свечка, родной дом для многих поколений студентов-медиков. Строго говоря, одна из многих, но о тех речь как-нибудь потом. При тогдашней перенаселенности мединститута, когда при поступлении конкурс доходил до восьми-десяти человек на место, получить место в общежитии было счастьем. По крайней мере, на первом курсе это удавалось, мягко говоря, не всем. Ну а уж те, кто попал… впрочем, лучше тоже отдельной историей.

Жил-был в «тройке» студент по прозвищу Проф. Этиология сего никнейма безвозвратно утеряна, однако многие сходятся на двух версиях. Первая – ПРОФессиональный гонщик, то бишь человек, способный поддержать и развить до степени абсурда любую предложенную тему разговора (университетское образование, как-никак). Вторая – ПРОФессор кафедры научного алкоголизма; эта версия кажется даже более вероятной. Жил он весело, кушал вольную студенческую жизнь большой ложкой, на лекции с занятиями приходил исключительно с недосыпа и похмелья, за что и пострадал. На моей памяти это был единственный студент, лишенный права проживать в общежитии ЗА АМОРАЛКУ. Комнату пришлось освободить. Пока Проф обивал пороги деканата, профкома и комитета комсомола (помните такой?) с битием челом и клятвенными заверениями искупить, отмолить и впредь не допущать, свято место оказалось занято, и кем!

Будь это парни, все было бы проще: поговорили бы по-свойски, нашелся бы угол, а там и всю комнату можно было обратно заполучить – главное, знать, в чем остро нуждается комендантша. Но заселились в комнату две девочки-лапочки, только-только со школьной скамьи, восторженно-удивленные, глядящие на старшие курсы как на полубогов – в общем, тьфу, да и только! И это не все! Каждая – каждая! – была при маме. Как они в этой каморке папы Карло помещались, это один бог ведает, но уходили солнышки на занятия отутюженные, накрахмаленные и (мамма мия!) позавтракавшие горяченьким, а возвращались к прибранной комнате и сытному ужину. Проф был сражен в самое сердце, ему срочно требовался план ненасильственной эвакуации очаровашек-оккупанток. Было даже заключено несколько пари. Угадайте, на что. Проф неделю ходил хмурый. Он ДУМАЛ. К исходу недели план был готов.

В понедельник девочки, как обычно, ушли на занятия, и мамы принялись за ежедневные хлопоты, и тут раздался громкий стук в дверь. Отворив, тетеньки увидели на пороге небритое (та самая неделя!) существо с красными глазами, жутким перегаром изо рта (еще бы, всю ночь за успех мероприятия переживали), в живописно драной тельняшке и шортах цвета картофельной ботвы (отпиливаются от армейских галифе). В руках эль Чупакабра держало шприц Жане, наполненный густым раствором метиленового синего[8]. На носик этой адской машинки с помощью жевательной резинки и такой-то матери была посажена огромная игла для спинномозговых пункций. Окинув две застывшие фигуры мутным взглядом, Проф трясущимися руками протянул им шприц и попросил:

– Мать, ширни! Я не попадаю!

По свидетельствам очевидцев, весь остаток дня из комнаты доносился звук пакуемого имущества и не то вопли, не то лозунги:

– На квартиру!!!

[8] *Метиленовый синий* – органический краситель. В медицине в основном используется как антисептик.

Как вы его назовете

Когда-то, в период триумфального шествия советской власти, было поветрие – давать детям новые имена. Так появились Вилены, Вили, Октябрины и Даздрапермы. Учитывая нынешний прагматично-дисфоричный[9] настрой электората, трудно ожидать появления на свет Влавлапутов и Даздрапопенсов, но скучать все равно не приходится.

Вася (пусть его зовут так) болеет давно, он инвалид второй группы. Чаще всего его беспокоят голоса. Обычно голоса несут всякую чушь, и Вася, в той или иной степени добровольно, сдается в дом у шоссе – поправить пошатнувшееся психическое здоровье, пообщаться с давно знакомым персоналом и столь же давно знакомыми соседями по палате. Рутина, одним словом.

На этот раз голос в голове был на редкость убедителен и резонен, фразы звучали четко, при малейшем намеке на непонимание или, паче чаяния, непослушание взвинчивая тон до непереносимого рева.

– Так жить дальше нельзя, – заявил голос.

– Как жить нельзя? – робко поинтересовался Вася, приготовившись на всякий случай набрать номер приемного покоя: мало ли, еще начнет на суицид уламывать!

– Ты, Вася, не живешь, а прозябаешь, – вынес вердикт голос.

– Прозябаю, – безропотно согласился Вася, ибо крыть было нечем.

– Надо что-то менять в твоей жизни, – с напором бульдозера продолжал голос.

– Может, не надо? – жалобно спросил Вася, памятуя о своих прежних попытках что-то круто поменять. С последующими госпитализациями.

– Надо, Вася. Надо, – процитировал голос. – И начинать будем с фамилии.

– Господи, чем тебе моя фамилия не угодила? – простонал Вася.

– Вася, это вопрос не личного предпочтения, а твоего будущего человеческого счастья. И не вздумай упираться. Ты, сукин сын, будешь счастлив вне зависимости от того, хочешь ты этого или нет!

– Да я, в общем-то, не против, но при чем тут моя фамилия?

– Вася, все дело в магии имен. Точнее, фамилий. Как бытие определяет сознание (слышал о таком феномене?), так и фамилия определяет судьбу своего владельца. С тем, что мы имеем, историю творить не просто бесполезно, но и прямо противопоказано.

– Но я не…

– МОЛЧАТЬ!!! СЛУШАТЬ И СОГЛАШАТЬСЯ, В КОНЦЕ БЕСЕДЫ ПОДСКОЧИТЬ И СПРОСИТЬ: «РАЗРЕШИТЕ БЕГОМ?»!!!

– Все-все-все, уже никто ни с кем не спорит, только не ори так громко!

– Вася, у меня есть одно полезное качество: как бы громко я ни орал, соседи услышат только твои реплики с галерки. Так что давай ты не будешь выставлять себя идиотом, а будешь слушать сюда. Я уже все продумал, поскольку тебе один хрен слабо. Фамилия твоя теперь Гитлер-Разумовский.

(Для читателей: вторая часть фамилии взята произвольно.)

– Что?!!

– Я так и знал, что ты дашь аффект. Так вот, пока ты ловишь воздух ртом и хватаешься за сердце, приведу убойные аргументы. Гитлер, конечно, сволочь та еще. Но! Сволочь харизматичная, этого не отнять. Чтобы сбить с панталыку целую нацию законопослушных и основательных бюргеров – это, я тебе скажу, талант нужен. Теперь Гитлера не знает только имбецил. Ты, Вася, тоже сволочь – НЕ ВОЗРАЖАТЬ!!! То есть один задаток для успеха уже есть. Не

[9] *Дисфория* – форма болезненно пониженного настроения. Характеризуется злобностью, раздражительностью, неприязнью к окружающим.

хватает харизмы и известности. Фамилия – уже половина успеха, остальное разыграем как по нотам.

– А Разумовский-то тут при чем? – слабо простонал Вася.

– Вася, ты шизофреник, а не дебил, поэтому нечего тупить! Ты не хуже меня знаешь, что эту фамилию носит заведующий отделением, где ты частый гость. Если для лояльности судьбоносных факторов нужна грубая лесть, то ее следует применить. Поверь, Вася, супротив своего наполовину однофамильца доктор будет безоружен! Это в нашем деле прямо-таки козырь.

– Ага, вроде пятого туза… А дальше-то что? – спросил впавший в полутрансовое состояние от обрушившихся на него новостей Вася.

– Это хорошо, что мы с тобой так быстро достигли полного взаимопонимания по первому вопросу. Неси карту, будем рисовать направления главных танковых ударов. А завтра – в ЗАГС.

– Нас не поженят, – в последний раз попытался возразить Вася.

– ИДИОТ!!! Я ТОБОЮ И БЕЗ ЖЕНИТЬБЫ ОВЛАДЕЮ!!! ТУДА ТЫ ФАМИЛИЮ МЕНЯТЬ ПОЙДЕШЬ!!!

До участкового врача Вася добрался только на третий день, с новым паспортом и картой оккупации Европы. Переписывая титульный лист амбулаторной карты (шутки шутками, но в ЗАГСе фамилию действительно поменяли), доктор задумчиво произнес:

– Взять, что ли, себе фамилию Сталин-Рабинович? Эк бы я развернулся…

Орден почетного алкоголика третьей степени

Алкоголиков в третьей стадии увидеть не так-то просто. Причин тому несколько. Во-первых, не все доживают, большинство успевает умереть от какой-нибудь запущенной болячки, либо от несчастного случая. Во-вторых, выжившие, как правило, либо бомжуют, либо находятся в пансионатах для психохроников. В общем, алкоголик третьей стадии – редкий феномен. Мне, можно сказать, крупно повезло. В Калужской областной психиатрической больнице прижился такой вот персонаж. Звали его Вася. Он с незапамятных времен обретался в обычном отделении. Тишайшее существо, стреляющее у больных окурки, помогающее помыть полы, вынести мусор. Все тихо и спокойно, при одном условии: вечером, перед отбоем, Васе полагались двадцать миллилитров спирта. Нет спирта – отделению обеспечена веселая ночка, с учетом того, что от аминазина Вася просто тихо умрет. Это все знали и не брали греха на душу. А как он эту мензурку внутрь потреблял! Это театр, это пантомима! Мензурка нежно бралась тремя пальцами, с мизинчиком на отлете, по широкой дуге приближалась к вытянутым трубочкой губам, потом непередаваемое согласное движение головы и шеи… боже мой, дельфин, жонглирующий мячиком, – просто жалкий паркинсонщик на фоне этого танца! Потом глоток – и судорога, пронзающая все тело, аж пальцы выгибаются в обратную сторону. Три секунды пауза… и блаженная улыбка человека, которому от жизни более ничего не надо. Он уснет ровно через пятнадцать минут, время можно не засекать.

Было у Васи любимое занятие, даже более любимое, чем покурить. Когда по расписанию начинались инъекции, он занимал стратегическую позицию около процедурного кабинета, отлавливая выходящих больных и изымая у них ватки со спиртом, которыми полагается протереть место укола. Ватки тут же поедались, и слегка окосевший Вася шаткой походкой удалялся в дебри палат. Сколько раз, уже в другое время и в других местах, вспоминал я этого пациента! По мне, таких кадров надо всячески хранить, оберегать и использовать как тяжелую психотерапевтическую артиллерию в процессе лечения алкогольной зависимости у населения: крайне убедительный пример.

ALCOHOLISMUS
Россия,
вперёд!

Убойный эпитет

Прохожу сегодня по коридору родного дурдома, то есть диспансера и вижу двух бабулек, что-то активно обсуждающих между собой. Обсуждение идет бойко, с жестикуляцией, матерные акценты расставлены правильно. Прислушиваюсь. Оказывается, кому-то из них чем-то не угодил наш доктор. Причем сильно. Причем даже азимут перемещения старушке подсказал (вот уж не знаю, чего ж такого непотребного надо было от милейшего доктора потребовать). Заключительная фраза убила:

– Это ж не врач! Это ж, блядь, ЭСКУЛАП КАКОЙ-ТО!!

Занавес, обморок…

Доктор, голос!

Эта леденящая кровь история произошла много лет назад, когда я еще студентом подрабатывал на скорой помощи одного из районов города Самары. Как правило, на каждой скорой любого района есть негласный, но общеизвестный список нелюбимых адресов. Наша подстанция тоже не была исключением. Своих героев, самых капризных и занудных пациентов, мы знали в лицо. Некая Прасковья Филипповна постоянно терроризировала нашу неотложку, с периодичностью до трех-четырех раз в день. Выезжая на ее «плохо с сердцем», приходилось в итоге убеждать болезную, что плюс-минус пять миллиметров ртутного столба в показаниях ее артериального давления – это физиологическая норма, что сегодняшнее аж девятичасовое отсутствие стула – это вовсе не признак каловых завалов, что кардиограмма вновь и в который раз не только инфаркта – даже аритмии-то не кажет. Ну и, естественно, учить наизусть географию и характер всяческих покалываний, бульканья, сжиманий и мурашек. Понятно, что от ипохондрика ждать чего-то иного не стоит, но когда эпидемия гриппа, бригады не вылезают из машин, а вызов на ее адрес только за сегодня уже четвертый…

Вот на четвертом-то вызове Василич, доктор от бога, ветеран афганской, и не удержался. Душа просила хохмы. Оставив фельдшера на станции и пошушукавшись с диспетчером, отчего та сделала большие глаза и быстро-быстро закивала, он заявил народу в курилке:

– Спорим на коньяк, что Филипповна на этой неделе никого доставать не будет!

Ударили по рукам, и доктор поехал. Вернулся он быстро. Через пять минут после его приезда в диспетчерской зазвонил телефон. Сняв трубку, диспетчер с минуту слушала, расплываясь в улыбке, кивала, а потом, нажав на рычаг отбоя, куда-то перезвонила. Коньяк Василичу проспорили, да еще как! Никто с этого адреса не звонил месяца полтора. Василич и диспетчер молчали как партизаны, поэтому на НАКОНЕЦ-ТО поступивший от Прасковьи Филипповны вызов чуть ли не жребий бросали, кому ехать – до того любопытно было узнать подробности из первых уст.

Оказалось, что, открыв в прошлый раз доктору дверь, больная опешила: эскулап стоял на четвереньках и держал в зубах чемоданчик. Выдержав театральную паузу, он поставил чемоданчик на пол и четыре раза на нее гавкнул. После этого оборотень в халате повернулся и на четвереньках потрусил вниз по лестнице. Когда прошло замешательство, Филипповна позвонила в скорую вновь и пожаловалась, что доктор, гад, НА НЕЕ ЛАЯЛ. Диспетчер оказалась девушкой доброй и отзывчивой и пообещала прислать нормальных медиков.

Когда приехала другая бригада, «не в пример этим, все как на подбор, просто гренадеры!», врач участливо так спросил:

– Так вы говорите, на четвереньках стоял?

– Да, да!

– И даже, простите, лаял, как собака?

– Да, истинный крест!

Надо сказать, что за все полтора месяца пребывания в психбольнице сердечко у Прасковьи Филипповны не болело ни разу.

Средство от соседей

За годы работы укрепляешься в осознании того, что бред – явление очень стойкое. Сравнивать его с обычной убежденностью, даже на уровне упертости рогами в стенку – все равно что сравнивать незыблемость и прочность плит перекрытия с прочностью набора посуды на шесть персон во время бурного семейного скандала. Соответственно, большинство рассказов о том, как бредовый пациент был переубежден посредством личной харизмы врача, особых психотехник и навыка внушения восемнадцатого уровня, лично я воспринимаю с некоторой долей вполне закономерного скепсиса.

Валентина Петровна (пусть героиню истории зовут так) практически всю свою жизнь прожила в Баку. Работала на заводе, была на хорошем счету. Со временем сложилось так, что большинство ее друзей, родных и знакомых в силу разных причин, среди которых не последнюю роль сыграл государственный геополитический кретинизм, уехали из города. А тут еще выход на пенсию, вынужденное безделье вкупе с неожиданно подкравшимся избытком свободного времени. Каждый офицер и прапорщик в курсе: свободное время – это зло. Точно такую же злую шутку сыграла с Валентиной Петровной оказавшаяся ничем не занятой психика. Конечно, не стоит сбрасывать со счетов характерологические особенности, тонкости обмена веществ и нейрофизиологии, но запальным механизмом послужил именно провал в жизненных ориентирах.

Валентине Петровне стало казаться, будто соседи задумали недоброе. Да-да, те самые, которых она помнила еще мелкими чумазыми засранцами. Видимо, таился в каждом из них корешок зла, который при должном унавоживании и регулярном поливе вырос до вполне солидного корнеплода с агрессивно-мизантропическими свойствами. Вот и стали мелкие пакостники взрослыми бесстыжими вредителями, а также со свету сживателями. И ведь такие изобретательные: придумали, как с помощью компьютера (вот ведь тоже бесовско-заокеанское детище, будто обычных счетов не хватало!) ее мучить: то поясницу скрутят, то вдруг в ногах жилы начнут тянуть, то сердце прихватят, а то и вовсе начнут жар приливами по телу гонять. Ну, как есть программируют несчастный организм на всякие непотребности.

Сначала страдалица просто терпела, а при попытках организма выкинуть очередное коленце спасалась травами, настойками да припарками. Потом ходила по соседям, пытаясь призвать их к порядку, да что толку – посмотрели как на дуру, да еще такое искреннее недоумение сыграли, чисто МХАТ на гастролях. Отписалась дочери о своих бедах, та прониклась, пообещала забрать к себе. Оно хоть и Поволжье, хоть и богом забытые степи, но все поближе к родным да подальше от соседей-истязателей.

Переезд прошел довольно гладко, и целых два месяца Валентина Петровна порхала аки ласточка – новые заботы, новые впечатления. Но потом вернулся рутинный привкус, а вместе с ним – и озарение: новые соседи ничуть не лучше тех, бакинских! А компьютеры у всех поголовно! Даже у детей! И вновь начались мучения: ломота, жар и холод, тянущие боли в мышцах. Плюс еще, судя по всему, стали соседи ей сверху фигурки человеческие на ниточках спускать (сама-то она не видела, но просто так уверенность ведь не возникнет, верно?). Стоило Валентине Петровне отлучиться из дома, эти фигурки начинали тайно разгуливать по квартире и устраивать диверсии почище партизанских: то молоко сквасят, то в хлеб плесени понапихают, а то ножи наточат так, что она ими постоянно режется. Пусть дочь и говорит, что ножи точит зять, но это все неправда – не может он настолько тещу не любить.

Дочь долго убеждала Валентину Петровну наведаться в дом у шоссе. Та отнекивалась, даже пару раз всплакнула – мол, что же ты меня, совсем за дуру держишь? Зять, умничка, все очень правильно обосновал. Дескать, с соседями мы можем что-нибудь сделать? Нет, поскольку нет возможности доказать наличие состава преступления (он жутко образованный, слова лепит

– часами бы слушала). Можно, конечно, сходить и начистить пару физиономий, ради любимой тещи не жалко, вот только соседи заявят в милицию, и виноватым будет угадайте кто? Поэтому, мать, надо сходить к психиатру. Есть у него в арсенале проверенные средства: говорят, даже экстрасенсам дар напрочь отшибает, магов плющит, как тех лилипутов на дискотеке с Гулливером, а зеленые человечки так и вовсе считают их секретным оружием ПВО землян. Попросим доктора, пусть выпишет что-нибудь для невосприимчивости к компьютерным атакам, вроде какой-нибудь микстуры Касперского. Сказано – сделано. Хоть и не без трепета, но к психиатру сходили. А там, по его рекомендации, еще и к терапевту с гинекологом заглянули: дескать, соседи соседями, а климакса со стенокардией да остеохондрозом никто не отменял, и лечить их тоже надо. И про соседей доктор много чего говорил, запомнилось только про идеи отношения и воздействия, и что лекарства надо принимать вот по этой схеме.

Теперь Валентине Петровне никакие соседи с их компьютерами и фигурками на ниточках не страшны. Главное – пить лекарства регулярно. Молод еще Билл Гейтс, чтобы супротив фармхимпрома козни строить!

Белочка. Она же котик

Белая горячка – явление очень даже национальное и на просторах родной страны вовсе не редкое. Более того, мы можем его экспортировать в другие страны вслед за нашими эмигрантами. Сей недуг настигает неосторожных с алкоголем граждан в самых разных местах, и привозить их в больницу откуда только не приходится: из дома, с работы, из гостей…

На этот раз спецбригаду вызвали в отделение милиции. По приезде в обезьяннике обнаружились два помятого вида мужика, стоящих по стойке «смирно» возле решетки. Всем своим видом они демонстрировали полную законопослушность и страстное желание оправдать и искупить, лишь бы сей же час оказаться по другую сторону преграды. При более пристальном изучении обнаружился еще один обитатель зиндана. Крупный, крепко сбитый, с пудовыми кулаками дядечка, просто Илья Муромец, с опаской выглядывал из-под лавки.

Прибытию медиков обрадовались все. Дежурный, лучезарно улыбаясь, поведал:

– А вон и ваш клиент прячется.

С его слов, забрали дядечку из дома, где он отходил после двухнедельного запоя и, опять же, по его собственным словам, никого не трогал. Доставили в отделение, стали выяснять обстоятельства. Помогали собирать анамнез две практикантки из юридического. На свою голову. Вначале задержанный меланхолично отвечал на вопросы, и дежурный уже начал подремывать под монотонное бормотание, как вдруг…

– ВОТ ОН!!! СПРЯЧЬТЕ МЕНЯ СКОРЕЕ!!! – От рева дрогнули стены, а графин с водой издал жалобный бздыньк. Илья Муромец шмыгнул под стол, девчата вспорхнули на стол, дежурный усилием воли и мышц сфинктера подавил желание рыбкой нырнуть в дверной проем.

– Ты что орешь, негодяй? – уняв дрожь в голосе, поинтересовался милиционер.

– Кот! Огромный. Усищи – во! Лапищи – во! В дверь заглянул. Голодный. Мя-аска хочет, гад! – И, на карачках приблизившись к офицеру, доверительно зашептал, крепко держась за брючину: – От самого дома пасет! Вишь, на косточки, – кивок в сторону девчат, – не позарился, хитрый, ему понажористей кого. А во мне только полезного веса кило на сто потянет… Ты вот что, давай, спрячь меня скорее. АААА!!! СНОВА ЗАГЛЯНУЛ!!!

В общем, в обезьянник задержанный проследовал бодро, но вскоре его вопли поставили на уши двух его новых соседей. Кот не оставлял бедолагу в покое: заглядывал через решетку (дядечка прятался под лавку), появлялся под лавкой (дядечка лез на решетку), его чеширская улыбка светила из помойного ведра (как-то удалось уговорить ведро не выплескивать) – короче, играл с ним, как с мышкой.

Сдавали Илью Муромца только разве что без ковровой дорожки. В машине он первым делом прильнул к заднему окошку:

– Ну ты только посмотри! Следит, скот! – И, перебежав вперед, стал упрашивать водителя гнать что есть мочи.

Выяснив по пути, что в дурдом посторонних не пускают, что на всех окнах решетки и что, идя навстречу пожеланиям трудящихся, администрация ведет активный отстрел бесхозных кошек, собак и бешеных тушканчиков на всей вверенной территории, пациент успокоился. На всем пути до диспансера он только изредка поглядывал в окно, злорадно ухмылялся и крутил большие фиги.

Эпически-ностальгическое

Общежития самарского Меда. Ностальгия. Школа жизни. Ужас и еще раз ужас родителей, бич деканов и комсомольских бонз. Романтика, романтика, романтика. Все молоды и отчаянно бесшабашны, гормоны бурлят, можно не спать всю ночь, а с утра вприпрыжку бежать на лекции, печень способна утилизировать несколько смертельных доз экзогенного этанола, желудок – переварить горсть гвоздей вкупе с парой привокзальных чебуреков, потенция выше разума, самомнение выше потенции – и все это в ограниченном объеме пространства.

Всего общежитий было пять (общаги вечерников и казармы военкафедры не в счет). Пятое общежитие принадлежало фармфакультету. О-о, это было самое шикарное из общежитий! Комнаты по типу квартир, в каждой (боже мой, какой шик!) своя кухня, душ и туалет. В общем, поскольку духу истинной общаги не соответствует, то и говорить не о чем.

Первое общежитие, стоматологическое – это история Самары. Его называют Арцыбуха, поскольку оно находится на улице имени Арцыбушева. Тюрьма. Не иносказательно, действительно бывшая тюрьма еще царских времен. В ней есть даже камера, в которой сидел сам Валериан Куйбышев. В эту камеру на моей памяти селили только студентов-отличников. Двери остались те самые (железо, что ему сделается!), только окошки для раздачи пищи да смотровые глазки в них заварили. И еще одна особенность: потолочное перекрытие не было сплошным. Над коридорами и холлами потолка не было. Все этажи просматривались и простреливались снизу доверху (тюрьма, как-никак), и вдоль всех камер шли металлические мостки с перилами. А поскольку в тюрьме также располагались кафедры химии и биологии, то можно было не только позаглядывать под юбки студенток, бегущих по верхним мосткам, но и плюнуть с высоты на голову особенно ненавистного преподавателя. Однажды во время одного из многочисленных перманентных переездов студенты упустили с мостков холодильник, и он всего на несколько шагов разминулся с профессором, вызвав у того ничем не обоснованную паранойю: профессор был любимый, холодильник тоже.

Второе общежитие занимали педиатры. Пятиэтажка из силикатного кирпича, на каждом этаже – ностальгия любого демобилизованного, взлетка, взлетная полоса – коридор через весь этаж. Запомнилось, как педиатры отмечали получение диплома, устраивая катания в тазиках по ступенькам, а также маршируя под горн и барабан, с пионерским знаменем, в пионерских же галстуках и пилотках; юбочки, шортики и гольфики прилагаются.

Но, поскольку ваш покорный слуга был адептом лечебного факультета, то предмет моей особенной ностальгии – это башни-близнецы, две девятиэтажные свечки красного кирпича, третье и четвертое общежития. Все воспоминания и ассоциации нашей студенческой жизни навсегда прочно спаяны для меня с этими блоками на четыре комнаты, плюс один душ, плюс один туалет, плюс две раковины для умывания, с двумя кухнями на каждый этаж, с холлом в центре каждого этажа (лично рисовал картину маслом на стене каждого холла на каждом этаже в «четверке», за что мне было позволено жить вдвоем с приятелем в трехместке), с вахтой (один телефон на всю общагу) и ячейками для почты перед ней.

Каждая осень начиналась с массового заезда. Машины, баулы, мешки, холодильники, телевизоры, много картошки и баночки-баночки-баночки… Пришибленные родители, пьяные пока только от чувства бескрайней свободы студенты, наставления, заверения, поцелуи на прощанье – и понеслась душа в рай! Но, по правде сказать, в полной мере свободой наслаждались лишь старшие курсы: у первокурсников, напуганных страшилками старожилов, были две основные задачи – не вылететь после первой же сессии (а ведь были и условно зачисленные, так называемые кандидаты, помните таких?) и совладать с условиями общежитейского быта. Первое правило общежития – ум гроссен фамилиен нихьт клювен клац-клац – усваивалось довольно быстро, после первой же своровавной прямо с плиты сковородки с жареной кар-

тошкой. Другие учились по ходу, параллельно с изучением расписания занятий и маршрутов общественного транспорта, что в условиях равномерной диссеминации кафедр и лекционных залов по всему городу было просто необходимо для выживания. Посему первые курсы можно было также отличить по привычке передвигаться большими косяками. Проблема вылета из института сохранялась также и на втором, и на третьем курсах, разве что третьекурсник уже обладал способностью выучить непомерно объемный материал в неправдоподобно короткие сроки и при этом выкроить время для себя, любимого. А уж с курса четвертого и далее начиналась полноценная общежитейская одиссея, исполненная такой степенью познания дао и, в особенности, увэй, что старый добрый Лао-цзы может нервно курить в углу и готовиться записывать урок.

Зима. Промерзающие холлы, обогреватели в каждой комнате, постоянно летящая проводка, счастливые предусмотрительные обладатели керосинок и примусов. Пора инфекций. Наш однокурсник, подхватив особо вредный вирус, решил прибегнуть к народной медицине и лечиться водкой с перцем. С чего он взял, что разводить перец в полстакане водки надо до густоты томатного сока, история умалчивает. Ну, кто ж знал, что вода – и холодная, и горячая – в тот день из-за плохонького напора будет доходить лишь до второго этажа! Покинув наш седьмой этаж приличным спринтерским рывком, Леша несся вниз по лестнице, пугая встречных студентов аномально красным цветом лица и феноменально большими, навыкате, глазами. Кое-кто уверяет, что из ушей у него вырывались струйки пара. Не видели, но спорить не будем. К слову, простудка-то у него прошла…

С алкоголем дружили. Его пытались победить, ему проигрывали, в его поисках проявляли недюжинную изобретательность. Вспомнить, к примеру, способ, которым избавлялись от красителя генцианвиолета в спирте, слитом из спиртовок на кафедре микробиологии. Или от хлоргексидина; в клинической больнице его добавляли в спирт, чтобы придать последнему неимоверную горечь. Лично мною было изготовлено восемьдесят литров вина из чистейшего виноградного сока – подрабатывал грузчиком на плодоовощной базе, и кибир-мудир, на свое горе, разрешил в конце каждого рабочего дня брать домой подпорченного винограда «сколько хочешь, уважаемый». Кто ж ему виноват, что у меня с собой всегда рюкзак был! Так, на всякий случай… Сосед, грузин Ясон, еще очень просил оставить ему виноградные отжимки: «Ты что, из них такая чача получится!» Ну, не знаю, что у него там получилось, но вскоре наши грузины загуляли всей диаспорой, и я, будучи приглашен в самый разгар веселья, должен был признать, что батоно сумел-таки меня удивить. Первый раз видел, чтобы тарелки бились о потолок. А еще первый (и, смею надеяться, последний) раз видел летку-еньку в исполнении пятерых крупнокалиберных грузинов, с проходом через стоящий посреди комнаты шкаф с выбитыми дверцами и задней стенкой. Как сказал зачинщик междусобойчика, «что-то особенное в чаче на мандаринах, дорогой». Сочетание алкоголя, нерастраченного тестостерона и избытка свободного времени подвигало на подвиги, совершенно невозможные в виде трезвом. Чего стоит одна чугунная лавка (три чугунные опоры, три погонных метра и много-много килограммов веса), умыкнутая спьяну в Ботаническом саду тремя студентами и любовно доставленная ими (пешком, естественно) за несколько километров в «тройку» на седьмой этаж. Что характерно, попытка передвинуть лавку поудобнее с утра удалась только коллективу из шестерых трезвых студентов.

Как, кстати, они среди ночи убедили вахтера открыть им дверь – загадка. Наши общаговские вахтеры настолько суровы, что могут смотреть, вздыхая, «Просто Марию», невзирая на выпущенные в атмосферу полбаллона «черемухи», факт проверенный. Проблема запертых на ночь дверей заставляла не одного студента вплотную познакомиться с клаймбингом. Помню картину раннего утра и остолбеневшую вахтершу, взирающую на спайдерстьюдента, зависшего на кирпичной кладке на уровне второго этажа, в полушаге от приветливо раскрытого окна. Второй студент в это время втолковывает бабке:

– Вот видишь, тетя Маша, без пяти минут хирург ползет. Отличный хирург. Что хошь отрежет!

Если аварийное восхождение было чем-то привычным и проходило без лишнего шума, то спуск без парашюта за всю историю общаги был всего один и запомнился надолго. Парня звали Статист. Он уже сдал госы и отрывался вовсю. Собственно, в процессе этого отрыва он и выпал с шестого этажа. На кучу песка. Сильно поломавшись и поотбивав себе все что можно и нельзя, он на некоторое время исчез из поля зрения. Ходили слухи, что умер. И вот однажды к жене заявляются однокурсники:

– Ксюх, одолжи сырых яиц!

– Вам зачем?

– Не нам, а Статисту. Его выписали, челюсть в шине, водку пить он уже может, а закусывать толком еще нет. Мы ему будем яйца через трубочку давать, а то окосеет, снова откуда-нибудь выпадет.

На той пьянке ему подарили значок парашютиста третьего класса. Самое интересное началось, когда Статист пришел за дипломом. Оказалось, что его уже сочли погибшим, и в итоге диплом пришлось выписывать заново.

Строго говоря, падали из окон не только студенты. Была у выпускников такая традиция: все старое – за борт. Посему сведущие граждане весной под окнами общежития старались не ходить и уж тем паче транспорт свой не ставить. Конец весны – пора летающих холодильников. И телевизоров. И другой бытовой техники. На приехавшую в шесть утра за какой-то девахой бандитскую «бэху» скинули горшок с цветами. Для дамы. Нечего дудеть в такую рань. И из газовика нечего палить по окнам. Самого бы разбудили с бодуна, еще бы не такое рассказал. На «уазик» приехавшей к шапочному разбору милиции сбросили быстро свинченный по такому случаю унитаз.

По утрам можно было слышать мерный шум метлы и звон осколков ему в такт, сопровождающийся беззлобными матерными комментами привыкшего ко всему дворника. О, по утрам, когда бульшая часть студентов еще пребывала в анабиозе, можно было еще и не такое увидеть. Супруга, например, подымаясь по лестнице, как-то наткнулась на такую картину: блузка, чуть выше по лестнице – юбка, потом лифчик, потом трусики и, венцом ночной истории, презерватив в конце пути. Порадовалась в душе за парочку.

Летом вновь съезжались машины, увозя обитателей пустеющих общаг по домам – до следующей осени.

Муж и жена

Рыбак рыбака видит издалека. Некоторые семейные пары настолько подходят под эту поговорку, что просто нечего больше и сказать. Многие из наших пациентов вступают в брак с такими же, как они сами. Когда больше половины участка знаешь в лицо, вместе с историями жизни и болезни, некоторые закономерности настолько очевидны, что даже статистическое исследование можно не проводить, ни к чему это. Для себя знаешь, а доказывать кому-то еще – есть в этом некий отголосок сравнительной фаллометрии.

Валя и Миша. У каждого годы и годы шизофренического стажа, многочисленные госпитализации, инвалидность. Они и на прием обычно приходили вместе. При этом постоянно друг на друга ворчали и стучали:

– Доктор, скажите ей, чтобы пила лекарства. Она не пьет, а без лекарств дура дурой!

– Это он не пьет, все уши прожужжал: «Я не больной, у меня особенности!» Видели мы эти особенности, ты, Миша, с ними вчера весь вечер разговаривал и спорил.

– А ты всю ночь не спала! И готовить не умеешь!

– Я тебя, дурака, караулила! А не нравится моя стряпня – вон, в отделении каши гречневой просто завались! Очень помогает от дурных мыслей. Стряпня моя ему не нравится…

И так на каждом приеме. При этом ни один из них ни разу – ни разу! – не сдал другого в больницу. Очень даже наоборот. Именно эта семья известна в диспансере как кидне-пперы-рецидивисты. Они похищали… друг друга. Из больницы.

Однажды Валя пришла на помощь Мише, когда того пытались госпитализировать. Нет, связываться с вызванной в поликлинику спецбригадой (тогда Автозаводский филиал диспансера еще располагался в Новом городе, на втором этаже обычной поликлиники) она не стала, здраво оценив неравенство сил. Она просто открыла окно второго этажа и подала проходящему в сопровождении санитаров Мише знак. Окно располагалось как раз над пристройкой крыльца. Без вреда для конечностей дражайший супруг сиганул в окно, очутился на пристройке, потом спрыгнул на асфальт и был таков. Справедливо полагая, что никто не будет подвергать ее гонениям, Валя преспокойно покинула поликлинику.

Второй раз Валя вызволила благоверного уже из отделения. Когда Миша стал чуть спокойнее, и супругам разрешили свидания, она задействовала нехитрый план. Дело в том, что находящиеся в отделении больные видятся с родственниками в крыле, из которого есть выход непосредственно на улицу. Изначально это придумали, чтобы свидания, прием передач, а соответственно, и весь поток родственников проходили в стороне, противоположной ординаторским, которые, соответственно, выходили на внутрибольничные коридоры. Валя принесла с собой не только передачку, но и одежду, чтобы было во что переодеть мужа после побега. Далее спектакль был разыгран как по нотам. Прощаясь, Валя подошла к двери, которую уже начала открывать санитарочка, но вдруг повернулась к удаляющемуся супругу и, заломив руки, воскликнула:

– Миша, поцелуй же меня на прощанье!

Все же злые шутки порой играют с нами мексиканские сериалы. Санитарка отвернулась, чуть не пустив слезу от умиления, и тут же была снесена на метр в сторону легким движением Валиного бедра, а оба супруга ринулись прочь, на свободу!

Долг платежом красен, и на следующий раз была уже Мишина очередь вызволять жену из дурдома. Он прибег к более масштабным действиям. В то время въезд в диспансер еще не был перегорожен шлагбаумом, и Миша беспрепятственно проехал внутрь на машине. Как он уговорил таксиста на такую авантюру, история скромно умалчивает. Наша (новая!) психбольница в плане своем напоминает букву «Жо», и прогулки больных происходят во двориках, образованных ножками этой буквы. Медперсонал выносит длинные лавочки и, садясь на них

у открытого края двориков, создает для гуляющих больных преграду. Как выяснилось, весьма условную. Когда «шоха» на скорости вылетела из-за угла, никто и опомниться не успел, как Валя, в лучших традициях кенийских бегунов, взяла старт, ласточкой вспорхнула над лавкой и пригнувшимися санитарками, вскочила на заднее сиденье – и экипаж покинул гавань.

Надо ли говорить, что НИ РАЗУ вдогонку за супругами по их адресу не высылалась спецбригада? Себе дороже.

То ли лыжи не едут…

Эта история случилась, когда мы были на интернатуре в Самарской психбольнице. Жена несколько месяцев посвятила работе и учебе в тамошнем женском отделении. По территориальному принципу оно обслуживало городские окраины (Мехзавод, Красную Глинку), а также всех иногородних и бомжующих дам. Коллектив – золотой, грамотный, слаженный. Само здание отделения – обособленно стоящая древняя одноэтажная деревянная постройка с собственным огороженным двориком, где летом устраивался огородик и всячески лелеялись цветочные клумбы – обладало какой-то неповторимой харизмой, служащей неназойливым фоном для в общем-то тяжелой ежедневной работы, которая благодаря мастерству сотрудников казалась непринужденной, ненавязчивой и даже какой-то идиллической. Наша интернатура по времени пришлась как раз на внедрение «Закона о психиатрической помощи и гарантиях соблюдения прав граждан при ее оказании». Речь там, в частности, шла о том, что теперь или больной давал письменное согласие на лечение, или лечащий врач получал геморрой, обосновывая законность пребывания отказника в отделении. Для этого в суд писалась телега с просьбой дать санкцию на недобровольное лечение имярек. Суд рассматривал заявление и, как правило, санкцию давал. Но однажды…

В ординаторской появились две молоденькие козючки с огромными ресничищами, предъявили служебные удостоверения и изъявили желание учинить проверку законности пребывания вновь поступивших пациенток. Глазищи юных жриц Фемиды горели огнем праведного гнева, обращенного на злокозненный врачебный персонал: мол, томите в адском плену невинные души, ну ведь томите же, ну, признавайтесь на счет «раз»! От чая с малиновым вареньем и домашними плюшками они гордо отказались: мол, знаем ваши уловки, нас не купить бочкой варенья и корзиной печенья. Сокрушенно вздохнув, коварный Чингачгук ди гроссе шланге Игорь Васильевич, он же в народе зав. отделением, дал санитарочкам распоряжение сей же секунд подать сюда Маринку.

Как Маринка попала в отделение – песня отдельная. Где-то за неделю до этого у нее случилось обострение, начались голоса, и появились всякия вредныя мысли. Маринка ушла из дома. В дремучий лес. В красном платье. За неделю лесной робинзонады платье изрядно поистрепалось, обувка потерялась вовсе, и девчонка являла собой очень живописное зрелище, способное вызвать столбняк даже у медведя-шатуна. Скитаться ей, судя по всему, к исходу недели надоело, и она, выйдя на трассу, стала голосовать. С собой у нее была чудом сохранившаяся монетка; Маринка рассудила, что легковушка ее за такие деньжищи никуда не повезет, и ее выбор пал на грузовой транспорт. В итоге пострадали несколько водителей грузовиков: как только машина притормаживала, эта кикимора в красном врывалась в кабину и начинала кусаться и царапаться. Мужики, кое-как отбившись, давали по газам и надолго зарекались связываться с голосующим на дороге женским полом. Наконец, нашелся один, который сумел ее скрутить и – оцените сознательность! – довезти до психбольницы.

Маринка вошла в ординаторскую и села на предложенный стул. Стараниями санитарочек, отмывших, заботливо расчесавших колтуны и даже соорудивших какую-никакую прическу, вид у девушки был самый что ни на есть приличный, если не считать больничного халата веселенькой расцветки, делавшего ее немного похожей на цыпленка-переростка. И если не обращать внимания на особый огонек в глазах. Проверяющие оживились, только что руки не стали потирать, но сдержались.

– Марина, расскажите, как вы здесь оказались, как вы себя ЗДЕСЬ чувствуете?

И Марина рассказала. В своей обличающей речи она посетовала и на режим (нахмурился зав.), и на скудное питание (схватилась за сердце санитарочка, лично следящая, чтобы все было выпито и съедено), и на грубость персонала (заерзали ординаторы). Консенсус больной и двух

юных законниц рос и крепчал с каждой минутой повествования, они ахали, охали и бросали на докторов пристальные взоры. Праведный гнев близился к точке кипения и был уже на опасной отметке, когда негодница пожаловалась, что ее грозились даже (боже мой, вся просвещенная общественность рыдает и выходит на тропу священной войны) ПРИВЯЗАТЬ К КРОВАТИ!

– За что?!

– Так вот и я спрашиваю – за что?! Брата моего убили? Убили!

Видя сетку прицела в двух парах очаровательных глаз, Игорь Васильевич попытался робко возразить:

– Мариночка, он же у тебя умер черт-те когда!

– Молчите!! – это Марина и проверяющие, хором. Ага! Скелетики в шкафах, доктора!

– Убили! Вот, смотрите. – И Маринка, подойдя к окну, жестом подозвала девчонок. Те, сдерживаясь, чтобы не бежать вприпрыжку, важно подошли.

– Вон в той вон посадке и прикопали. А он со мной оттуда говорит. И говорит, и говорит. Когда по делу что скажет, а когда ерунду несет. Кто? Да ты и несешь! Скажи еще, советчик нашелся! Ага, как же! Ему прогулы на городском погосте ставят, а он все туда же, под юбки этим двум зассыхам смотреть! Да щазз, сам заткнись!

По ходу этого пламенного монолога лица девчонок-проверялок вытягивались, глазки становились большими-большими, а губки складывались в две буковки «О». Наконец одна из них очнулась от оцепенения:

– Женщина, вы что, ДУРА?

Практически не меняя ни скорости, ни интонаций, Маринка, полуобернувшись, ответила:

– Ха! Конечно, дура! Иначе чего я здесь лежу!

Вот на сей замечательной фразе и закончилась эта проверка.

Дебильная демография

Эта история из копилки жены. Ей, как участковому психиатру, нет-нет, да и приходится бывать дома у пациентов нашего учреждения. На этот раз по распоряжению главного врача нужно было освидетельствовать даму с чужого участка и дать ответ гинекологам, может ли она по своему психическому состоянию вынашивать ребенка. Супруга прибыла на место и на несколько минут лишилась дара речи. Четырехкомнатная квартира улучшенной планировки была… Пожалуй, слово «угваздана» – слишком далеко от действительности; с таким же успехом можно утверждать, что Фрейд имеет некоторое отношение к психоанализу. Чтобы привести этот вертеп в порядок, надо было бы сначала пройтись огнеметом, потом брандспойтом, а потом замуровать дверь и забыть адрес. Атмосфера, точнее, ее насыщенность, также поражала и отключала обонятельные рецепторы с третьего робкого вдоха. А еще перманентный шум. Топот, беготня, детские крики и плач, и все на одном уровне громкости. Достаточном, чтобы вести все разговоры на грани крика.

Пациентка обнаружилась в дальней комнате. Подняться с кровати она не могла, поскольку после инсульта уже полгода как была парализована. И четыре месяца как беременна! Это не считая того, что у нас на учете тетенька состоит с детства по поводу умственной отсталости в степени умеренно выраженной дебильности. Равно как и ее супруг. Равно как и ОДИННАДЦАТЬ их детей. Опустив за явной бесперспективностью вопрос, как у них хватило ума заниматься сексом в раннем постинсультном периоде, жена задала другой, вполне закономерный:

– Куда вам столько?

Ответ поражал своей незамутненностью:

– Умненького хотели!

Инородные тела

Вспомнил несколько случаев, описанных нам, тогда еще студентам, преподавателями родной alma mater.

Первый. Привезли в гинекологию даму откуда-то из-под Самары. В сопроводительном листе запись сельского фельдшера. Дословно: «Хрен в матке». Пока персонал приемного покоя рыдает от смеха и бьется в истерике, что называется, пацталом, доктор собирает анамнез. Выясняется: у замужней дамы появился любовник, о противозачаточных она, возможно, даже слышала, но по простоте душевной искренне полагала, что все это ухищрения городских проституток и честной барышне не к лицу или… ну, вы поняли. Честной барышне достаточно подмыться и сходить в баню. Мол, зверек по имени сперматозоид от жару делается квелым и проявить свою коварную сущность никак не может. Посему задержка месячных привела деву в смятение чувств и помутнение разума, ибо ничем иным попытку вытравить плод с помощью заостренного корешка хрена не объяснишь. Надо отдать должное ее упорству: она прекратила попытки хренопенетрации, только когда корешок этого, вне всякого сомнения, целебного растения обломился в канале шейки матки! Облом, иначе и не скажешь. Да еще и от мужа по шее получила. В итоге все закончилось хорошо: хрен извлекли, матку вычистили, барышне мозги промыли. Все, как в сказке.

Второй. На сей раз – приемный покой лор-отделения. У пациента инородное тело в пищеводе и золотая цепочка изо рта. При этом пациент ни в какую не колется, что именно за предмет застрял у него в организме. Делают рентген – часы. Не наручные, а те, что джентльмены носят на цепочке в кармане жилета. Послушали фонендоскопом (спросили потом врачи, зачем; он ответил – глупость, но не мог себе отказать в удовольствии) – тикают! Часы застряли на уровне фарингеального сужения, пищевод спазмировался и намертво их заблокировал. Выяснилось (уже потом, когда брегет был извлечен), что имел место спор, который и был выигран пациентом. Никто же не требовал от дядечки, чтобы процесс поглощения был завершен актом дефекации. За цепочку вытянуть часы спорщику не удалось, пришлось набирать 03.

Третий. Вечером в отделение хирургии был экстренно доставлен мужчина с проникающим ранением брюшной стенки. Угадайте чем? Ломом! Причем лом (вылетел на приличной скорости то ли из-под пресса, то ли из карусельного станка – им что-то там ремонтировали, а кто-то включил) пробил оба бока насквозь ниже ребер, чудом не разорвав ни кишечник, ни печень. Как мужика транспортировали – целая история. Лом торчал из боков в обе стороны, и даже просто нести пострадавшего по коридору на носилках было проблематично. А уж везти в машине (не спрашивайте меня, я не в курсе!) и поднимать по лестнице… Надо сказать, лом извлекли без особых проблем, послеоперационный период прошел без осложнений. Хохма была следующим утром, на пятиминутке. Как положено, пятиминутку проводил профессор, ОЧЕНЬ именитый, уважаемый, заслуженный, не дышать, благоговеть, есть начальство глазами. В самом разгаре доклада входит студент с ломом наперевес. Ночная смена в курсе, потому молчит. Профессор, скучающим голосом:

– И что это вы нам тут принесли, товарищ студент?

– Инородное тело, товарищ профессор! – ответствует тот, вид имея лихой и глупый.

– ЧТО, БЛЯ? – Небожитель принимает вид нормального, вменяемого, но слегка охреневшего пенсионера.

Ситуацию разрулили, казус доложили, лом приобщили к кафедральной коллекции инородных тел.

Обликвус

Среди преподавателей мединститута есть те, что запоминаются на всю жизнь. Обликвусу досталось редкое счастье: его знают и помнят даже студенты, которым он никогда ничего не преподавал. Прозвище вполне отражает одну из его анатомических особенностей (специально для людей, далеких от медицины: «obliquus» по-латыни – косой). Есть самарский студенческий анекдот: едут студенты в битком набитом автобусе второго маршрута (тоже легенда) и обсуждают преподавателей анатомии.

– А у нас Обликвус.

– Кто такой?

– Да есть один: косой, хромой, бородатый и заикается.

– За-ато не кэ-курю! – раздается голос сзади.

Наше знакомство с Обликвусом тоже происходило в весьма запоминающейся и своеобразной манере. Придя в анатомичку, мы собрались в учебной комнате. Занятие, судя по часам, должно было уже минут десять как начаться. И тут в приоткрытую дверь последовательно пенетрируют: нога, рука, борода и глаз с бельмом. Пауза, затем второй глаз. Последний сосредоточивается на нас, и раздается голос:

– Кэ-акая гы-руппа?

– Сто двадцать вторая, – отвечает староста.

– А-а-а-а вот и я, – отвечает Обликвус и заходит в комнату уже целиком.

– Гы-оворите, учили пэ-озвонки шейного отдела?

– Да, – гордо отвечаем мы.

– Опэ-тимисты, – заявляет он и бросает одному из студентов связку позвонков, которую до сего момента вертел в руках. – Мы-аэстро, у вэ-ас пять се-екунд, чтоб назвать, какой это пэ-озвонок! – С этими словами он тычет пальцем в один из связки.

– Вы-ремя вышло, два! Ваша очередь, бэ-арышня!

В рекордно короткие сроки обананивается вся группа. И начинается собственно учеба. Обликвус учил интересно, с задором, с подколами, расслабиться не мог никто.

– Кы-кислецова, что такое ductus ejaculatorius? Как не зы-наете? Это такой пэ-роток, по которому мэ-маленькие, с хвостиками бе-егут-бе-егут – и пы-ривет, Кы-кислецова!

– Бе-елов нас уверяет, что у я-аичка есть верхний угол и нижний угол. Сы-вятые угодники, они, по-вашему, ты-реугольные, что ли? Или, не пы-риведи господь, кэ-вадратные? А-ага, и зы-венят…

Это благодаря ему мы выучили общеизвестный стишок:

Как на лямина криброза
Поселилась криста галли,
Впереди – форамен цекум,
Сзади – ос сфеноидале.

Это он старался, чтобы группа всегда была обеспечена анатомическими препаратами:

– Эх, не у-успели, сэ-оседи лоток с пенисами сы-лямзили… Ну, ничего, за час наиграются, отдадут.

Это он, обладая по природе неиссякаемым источником жизнелюбия и какого-то ребячьего озорства, мог сподвигнуть на спонтанную посиделку половину преподавательского состава, а потом прятаться в шкафу от второй, более сознательной и в чем-то справедливо негодующей второй его половины во главе с собственной матерью, почтенных лет преподава-

телем анатомии. И только он с его ревнивой фортуной мог выпасть из шкафа аккурат ей под ноги с воплем «мама!».

Это он застрял между двух березок, сдавая на своей машине задним ходом, и горестно изрек:

– Гэ-оворила мне м-мамочка – купи «Москэ-вич», он у-уже!

Его было невозможно не любить. Он больше, чем просто преподаватель, он – часть наших студенческих легенд.

Еще одна белочка. И лошадка

Этот случай произошел довольно давно, когда наш родной психдиспансер еще находился за городом, на Федоровских лугах. Спецбригада поехала на вызов. Там оказался пациент с классической белой горячкой: зрительные галлюцинации, прятки, погони – в общем, кино и немцы. Само собой, приезду отъявленных гуманистов в белых халатах он не особо обрадовался и, как в той песне, бесплатно отряд поскакал на врага… Ну, поваляли друг дружку, потом скрутили болезного, посадили в буханку. Дорогой пациент все порывался то из машины выпрыгнуть, то с ребятами силушкой помериться – то есть развлекался как мог. Дорога, соответственно, оказалась длинной: шутка ли, три района да окраины! То ли водитель очень сопереживал происходящему в салоне, то ли еще какая причина, но, когда на дорогу выскочила лошадь, он просто не успел как следует среагировать.

Лошадь была небольшая – так, жеребенок-переросток. Непонятно, как она очутилась на дороге и откуда ускакала, но только что ее не было – и вот она лежит и жалобно ржет. В спецбригаде работает исключительно душевный народ, поэтому скотинку в беде не бросили. Где-то перевязали, что-то наложили и решили, отработав вызов, свезти пострадавшую к знакомому ветеринару. Сказано – сделано. Животинку сообща подхватили и через задние двери погрузили в салон. Надо сказать, что тот, другой страдалец как-то сразу притих, скукожился и весь остаток пути пребывал в созерцательной задумчивости.

По прибытии пациента номер раз доставили пред светлы очи дежурного врача. Тут надо оговориться, что в отношении алкоголиков у диспансера выработалась жесткая и четкая, вполне оправданная практика: есть психоз – велкам ту Бедлам, нет психоза – геть до наркологии. Осмотрев и расспросив притихшего дяденьку, доктор посуровел и изрек:

– Нет тут психоза. Везите в наркологию.

Вот тут-то бедолага не выдержал.

– Что?!! Я!!! С этими отморозками?!! Да ни в жисть!!! – И, подскочив к доктору, бросился на колени и скороговоркой зашептал: – Нет, нет, вы что, лучше положите меня, я с ними не поеду, у них ЛОШАДЬ В МАШИНЕ!!!

Доктор понимающе посмотрел на больного, кивнул и сел писать первичный осмотр в истории болезни.

P. S. И лежать бы ему от силы дней десять-четырнадцать, но спецбригада умеет хранить секреты. Аж целый месяц.

НАРКОЛОГ
ГИПНОТИЗЁР

Довженко и не снилось

На интернатуре я некоторое время работал и учился под началом… скажем, Семена Семеныча, человека во многих отношениях незаурядного. Был период, когда патрона целый месяц за какие-то заслуги исправно снабжали свежайшим нефильтрованным пивом, и утренние пятиминутки могли плавно перетечь в небольшие посиделки под лозунгом «по глазам вижу, у всех вчера был сложный и эмоционально насыщенный вечер, так что не стесняемся, мальчики большие, посуда в шкафу». А еще шеф кодировал алкоголиков.

– Тут недостаточно просто придерживаться буквы наработанных формул, коллега, – объяснял он мне. – Логика – это последнее, что может зацепить алкоголика. Какая, к черту, у него логика! Эмоции – да-да, эмоции. Души, так сказать, глубинные позывы. Прекрасные? Нет в его нутре ничего прекрасного, ты меня не путай! Так вот, чтобы его на эти эмоции поймать, ты сам должен быть в особом расположении духа. Харизма, коллега, это тебе не хрен собачий, это отсвет искры божьей в тусклых от повседневности глазах, ЭТО должно зажигать. Иначе вся процедура из пламенной, меняющей к несомненному лучшему жизнь проповеди превратится в отпевание угасшего разума и дышащей на ладан печени пациента. Нужен эмоциональный подъем, и только так!

С этими словами он выпивал полстакана водки, выкуривал сигарету и шел кодировать очередную группу алкоголиков.

Потусторонняя связь

Наверное, каждый из нас когда-либо задумывался о том, что же там, за последней чертой. Интерес к этой теме неисчерпаем и в целом понятен: мало что страшит так же, как неизвестность, а поди найди тайну более непроницаемую, нежели смерть. А все недостаток очевидцев. Мертвые – народ неразговорчивый. А любопытно, что называется, до смерти.

И пока кто-то читал «книги мертвых», кто-то посещал спиритические сеансы либо накачивал себя несусветной дрянью в поисках калитки (ну, хотя бы дырки в заборе или, на крайний случай, замочной скважины) в Гадес, нашелся человек, подошедший к этой проблеме прагматично и основательно.

Это было в самарской психбольнице. На судебно-психиатрическую экспертизу был представлен пациент, против которого прокуратура возбудила уголовное дело по факту вандализма, порчи и тайного хищения муниципального имущества на какую-то довольно крупную сумму. Как выразился один из экспертов:

– Вот, по крайней мере, сумма, из-за которой стоило начинать сыр-бор. А то в прошлый раз из-за дебила, умыкнувшего мешок морковки стоимостью в десятки раз меньше, чем сама судебно-психиатрическая экспертиза, такой шум устроили… Оно и понятно – показатели, отчетность.

Стали выяснять, в чем дело. Пациент давнишний, на учете черт-те сколько лет, ни в чем серьезнее, нежели выплюнуть обеденный галоперидол[10] в тарелку жены, замечен не был, и вдруг – вандал, расхититель городского имущества, да какого!

– Ну и зачем вам, милейший, двадцать одна трубка от городских телефонов-автоматов? В них же нет ценных металлов! Меди – и той кот наплакал.

– Я не собирался сдавать их в металлолом.

– А зачем же вам они?

Вот тут-то и выяснилась истинная причина раскулачивания городской телефонной сети в крупных размерах. Около полугода назад у больного на фоне относительного затишья в психосимптоматике вдруг появились голоса в голове. Да не просто голоса, а голоса покойников. Кто-то из этих людей умер давно, кто-то – не очень, но все они были так или иначе знакомы или близки нашему пациенту. Лодка критичного восприятия, идущая ко дну под столь плотным артобстрелом, продолжала подавать последние сигналы «may day» – мол, чтоб совсем козленочком не стать, пей галоперидол, на фоне его действия голоса мертвецов слышны совсем невнятно. Тут граждане усопшие и подкинули идейку: а давай, мол, телефонизируем кладбище! Нет, не всё, конечно же. Только по особым заявкам. Чей голос в голове отметился, того и подключаем. Ну, есть еще пара застенчивых товарищей, тут, дескать, мы тебе подскажем адресок абонента. Исполнять спецзаказ больной ринулся бодренько, с огоньком, и в краткие сроки город лишился пары десятков работающих уличных телефонов, а к загробной телефонной сети подключилась, соответственно, пара десятков не совсем живых абонентов. Попался наш телефонист-некромант банально: кладбищенский сторож, не вовремя решивший сделать обход владений, наткнулся на подозрительного типа, закапывавшего телефонную трубку в ямку рядом с могилой.

Разобрались, отсмеялись, описали, порекомендовали суду в качестве меры пресечения амбулаторное принудительное лечение. Осталась лишь легкая тень подозрения: похоже, дядечка выдал не все свои загробные контакты…

---

[10] *Галоперидол* – антипсихотический препарат, назначается при маниакальных расстройствах, шизофрении, бреде и т. п. Лучше всего действует на галлюцинации.

Генерал терапии

Предаваясь воспоминаниям студенческой поры, не могу не отметить, что ряд преподавателей, с которыми нам довелось познакомиться и чьим речам мы внимали с трепетом и благоговением (светила медицины, небожители!), были запоминающимися, яркими, неповторимыми личностями. Только сейчас, ретроспективно анализируя впечатления тех лет, понимаешь, что некоторые из их особенностей относились скорее к числу психопатологий. Но ведь учили, и как!

Запомнился, и наверняка не только мне, профессор одной из кафедр терапии. Умнейший человек, потрясающе грамотный врач, он, что называется, читал пациента с лету. Однажды, будучи в Соединенных Штатах, он, проведя несколько минут у постели сложнейшего больного, без данных лабораторных анализов и дополнительных исследований установил правильный диагноз заболевания вплоть до мельчайших подробностей и степени нарушения основных функций! К нему везли больных отовсюду, он решал сложнейшие диагностические задачи… и при этом был со странностями. Такими же яркими, как и его несомненный талант.

Профессор ходил исключительно в генеральской форме. Говорят, что раньше на этой форме красовались соответствующие погоны, но после решительного протеста, выраженного официальным письмом из Минобороны в почти матерной форме, погоны доктора заставили снять. А лампасы остались. Как и фуражка. Был как-то случай: один полковник, придя по какой-то своей надобности в клинику мединститута, был вынужден ждать своей очереди. Он вышел покурить, и тут-то на сцене и появился профессор. Сам вид личности в генеральском и без погон оказал прискорбное воздействие на расшатанную штабными учениями и карьерными пертурбациями психику офицера. А когда эта непонятного ранга личность в лампасах подошла, чеканя шаг, и доверительно отрапортовала:

«Товарищ полковник, разрешите доложить, во вверенном мне подразделении за время моего дежурства происшествий нет!» – бедный вояка чуть не проглотил свой окурок.

Определенно, у профессора присутствовали некие идеи относительно собственной генеральской миссии на передовых рубежах сражения с недугами человечества. Более того, персонал вверенной ему кафедры как-то не спешил разубеждать своего заведующего. В праздники, особенно 23 февраля, 1 и 9 мая, можно было с легким изумлением и тихой радостью (свят-свят, я в этом цирке не участвую!) наблюдать, как персонал кафедры бойким почти строевым шагом следует под сенью красного знамени в сторону ЕГО кабинета, поздравлять дорогого шефа, пламенного борца и прочая, и прочая.

К студентам профессор был суров. Сколько их получило на экзаменах «банан», исходя из собственных, недоступных пониманию обычного смертного, критериев оценки знаний – бог весть. Как-то раз он спросил студента:

– Как вы относитесь к песням Аллы Пугачевой?

– Я ее не слушаю, мне некогда, я учебой занят, – ответил тот.

– Как, вы не знаете песен Аллы Борисовны? Вы, человек, получающий всестороннее университетское образование? Это два!

Следующему студенту, слышавшему диалог, был задан тот же вопрос.

– Ну как же, конечно, слушаю и очень люблю творчество этой певицы!

– Как?! У вас, студента-медика, есть время, чтобы интересоваться еще чем-то помимо учебы? Это два!

К опоздавшим на лекцию студентам профессор относился недоверчиво-подозрительно:

– А кто-нибудь еще знает, почему она опоздала? И что там она прячет в сумочке? Вдруг пистолет или, – он делал большие глаза и губы трубочкой, – бомба?

Но сами лекции были прекрасны и познавательны, если отвлечься от личности лектора и некоторого своеобразия их подачи. На них выросло не одно поколение врачей. А особенности – ну, какая же легенда без них!

Газы!

Приходит как-то ко мне на прием семейная пара пенсионного возраста. Видно, что у супругов сохранились теплые отношения, оба проявляют друг о друге заботу, которой могли бы позавидовать многие молодые парочки. Видно, что инициатором визита явился муж и что при этом он скорее сгребет свою половину в охапку и убежит с ней куда подальше, но не даст ее в обиду. Деликатно интересуюсь причиной визита. Выясняется, что женщине стало казаться, будто соседи снизу пускают в их квартиру газ.

– Какой, природный?

Она смотрит на меня, как мать на сына-имбецила: ласково, но устало и с легкой укоризной. Выясняется, что нет, не природный, а самый что ни на есть отравляющий и в чем-то даже боевой. От этого газа она чувствует недомогание (крепкая тетенька, от газа, предназначенного для выведения из строя вражеских войск ротами и батальонами, у нее, видите ли, недомогание!), перестала спать ночами и потеряла аппетит.

– Что же вы в милицию не обратились? Или в ФСБ?

Еще один взгляд, дающий понять, что рейтинг этих организаций еще ниже моего, но пара таких вопросов – и они сравняются. Муж нарушает неловкую паузу:

– Да, собственно, мы там уже были, – легкая боль воспоминаний во взгляде, – но они посоветовали обратиться к вам.

– А как именно вы поняли, что газ поступает снизу? Про недомогание с бессонницей я все уяснил, это, безусловно, улики, это противоречит всем конвенциям и нормам международного права, но соседи снизу… Они что, в преступной организации состоят? Или с международными террористами связаны? «Аум Синрике» там, например…

Бинго! Меня не то что рублем подарили – горсткой жемчужин осыпали, такое потепление во взгляде чувствовалось физически – мол, вот! Умеет же понять несчастную жертву газового террора, когда юродивым не прикидывается! Далее разговор шел уже более доверительно и непринужденно. Да, именно секта «Аум Синрике». Да, соседи снизу сектанты, они даже глаза по-особенному щурить стали в последнее время. А догадалась просто: стала полы мыть – а в линолеуме дырочки, их глазом почти не видно (негромкий комментарий мужа с галерки: «То есть совершенно»), только если с увеличительным стеклом искать и под особым углом смотреть. И если наклониться ближе к полу, от газа начинает кружиться голова (тем же устало-любящим тоном: «Это не от газа, дорогая, это возраст и сосуды»), и это неудивительно, ведь газ нервно-паралитический.

– Ну, дорогие мои, с террористами разбираться, конечно, не в моей компетенции, вас бы на время от них в отделении спрятать, пока контртеррористическое подразделение будет делать зачистку здания. Нет? Категорически? Ну что ж… Выпишу я вам таблетки. Нет, соседей ими пользовать не надо, не такие таблетки, да и соседи не тараканы. Это для повышения сопротивляемости организма в целом и нервной системы в особенности. Да, оборонная разработка, для очень деликатных задач. Вот. Не благодарите, не надо, просто придерживайтесь схемы приема, и вы приведете меня в неописуемый восторг. И вам всего доброго.

Через пару недель они снова пришли на прием. Лица супругов светились от радости.

– Спасибо, доктор! Ваши таблетки чудесно помогают! Я снова чувствую себя человеком. Я… я СПАТЬ СТАЛА БЕЗ ПРОТИВОГАЗА!

– И я тоже, – устало-облегченно произнес муж.

Инвестируй правильно

Вопрос о сохранности денежных средств и о правильном их размещении занимает важное место в умах и сердцах не одного поколения людей. Банки, инвестиции, кубышки, паевые фонды, место под половицей или зарытый в землю сосуд, полный презренного металла, – главная идея одна: сохранить. Вопрос, можно сказать, общечеловеческий, посему нашим пациентам нет никаких причин поступать вразрез с веками сложившимся правилом поведения.

Дело было в Самаре, в женском отделении областной психиатрической больницы. Довольно поздно ночью спецбригада доставила женщину лет тридцати или около того. В сопроводительном листке мотивы госпитализации были изложены нечетко; можно было понять только, что имела место агрессия к окружающим, упорная бессонница и высказывания суицидального характера. Игорь Васильевич, заведующий отделением, не меньше часа убил на то, чтобы выяснить у пациентки, что же с ней стряслось, и из-за чего соседи вызвали психбригаду. Куда там партизанам и агентам разведки вкупе с матерыми уголовниками! Их всех можно было приглашать к нашей пациентке на семинар «Как беседовать с врачом и не расколоться»! За большие деньжищи, ибо ТАК уходить от ответов, поддерживая при этом в целом непринужденную беседу, – это надо не просто уметь. С этим, похоже, надо родиться. И, как назло, никаких сведений о родственниках, способных пролить свет на эту историю, и близко не было. Заведующий написал заявление в суд с просьбой дать санкцию и все такое, отправил и стал ждать.

Следующий день в отделении был банным. Больных в сопровождении санитарочек отправили на помывку, и доктора собрались в ординаторской попить чаю. Женский врачебный персонал очень любил Игоря Васильевича, сокрушался по поводу его худобы и всячески пытался накормить шефа какими-нибудь плюшками, пряниками и вареньем. Лицу начальствующему подобает внушительная фигура и царственная плавность движений, а Игорь Васильевич просто шустрый мух какой-то, а не зав., право слово! Где-то на середине чаепития прибежала запыхавшаяся санитарка и с порога выпалила:

– Ой, Игорь Василич, чё я вам покажу!

Выяснилось, что в процессе мытья из влагалища ушедшей в глухую несознанку пациентки выпала свернутая тугим пухлым цилиндриком пачка денег, на что одна из больных задумчиво изрекла:

– Надо же, а я всегда думала, что ОТТУДА сдачи не бывает…

Чистую и разрешившуюся от финансового бремени пациентку уже было не нужно ни о чем спрашивать. Слова лились из нее потоком, и было отчетливо видно, КАК ей становится легче от возможности с кем-то поделиться своими переживаниями. Дама поведала, что с некоторых пор за нею следят. Черные риелторы. Чтобы ее саму убить, а ее квартиру продать. Следят денно и нощно, подавая друг другу условные сигналы: то при помощи комбинаций из светящихся окошек, то посредством особой последовательности номеров на проезжающих мимо автомобилях. А недавно совсем уже обнаглели и стали переговариваться то за стенкой, то этажом ниже. Вначале она ходила к соседям, убеждала их не пускать к себе этих преступников, но потом поняла: соседи тоже состоят в преступном сговоре. Обложили со всех сторон. Вы знаете, я восхищаюсь нашими женщинами. Ее жизни что-то угрожает, ее хотят убить, и что она делает в ответ? Идет к соседям с требованием сей же час предъявить ей этих негодяев, чтобы она могла с теми разобраться! И скалку прихватывает. Вы бы так смогли? Соседи убоялись, стали на всякий случай извиняться, но набравший обороты джихад было не остановить. На вопрос доктора, а что с деньгами, больная ответила:

– Я ведь могла погибнуть! Не оставлять же им еще и деньги!

Пересчитав и сдав на хранение под опись ее накопления, Игорь Васильевич промолвил:

– На машину бы хватило. А говорят, деньги не пахнут…

Об относительности

Этот случай произошел лет десять назад, когда Автозаводский филиал амбулаторной службы психдиспансера находился еще на другом краю города. Вообще такое местоположение вполне устраивало и докторов, и уж тем более пациентов: все под боком, далеко ехать не надо, начальство черт знает где. Омрачал всеобщую благодать только один факт: если нужно было в экстренном порядке госпитализировать больного, то на ожидание спецбригады, спешащей из прекрасного далека, уходило полчаса как минимум. Нет, бывали дни вдохновения, свершений и рекордов, но все же, как правило, следовало запастись терпением и уповать на то, что биться с несогласным со своим диагнозом пациентом не придется.

На прием к моей жене пришла тетечка и с порога заявила:

– Делайте со мной что хотите, но я страшно желаю кого-нибудь убить!

– Вы не поверите, но порою я страстно желаю практически того же! – ответила доктор.

Слегка опешив и сбавив обороты, дама, тем не менее, настаивала на том, что желание ее сильно, решимость тверда, настроение ни к черту, а посему возможности поистине безграничные. Доктор сделала условный знак медсестре, та кивнула, подхватила папку ОЧЕНЬ важных с виду бумаг, которые надо ОЧЕНЬ срочно подписать, исчезла за дверью, бодрой рысью преодолела дистанцию до регистратуры, набрала номер спецбригады и сказала в трубку: «Ребята, сейчас я вас обрадую неимоверно – у нас вызов!» Доктор тем временем начала писать направление, попутно расспрашивая пациентку, чтобы та не чувствовала себя незаслуженно забытой; мы, психиатры, при служебной необходимости можем быть крайне любознательными. А как давно у вас возникла такая замечательная мысль об убийстве? Хотите ли вы убить кого-то конкретного или же это вопрос искусства (либо «привыкли руки к топору»), и кандидатура как таковая не имеет значения? Желание присутствует постоянно или возникает приступами, и если последнее, то что эти приступы провоцирует? Сами пришли к такому желанию, или «голоса» подсказали (отдельная ветка вопросов для «голосов»)? Как именно убивать будете? Куда труп денете?

Через некоторое время, продолжая отвечать на монотонные вопросы, больная жутко разобиделась. Не видя в бесстыжих глазах врача должного почтения и трепета, она начала проявлять признаки нетерпения и даже попыталась повысить голос, на что получила суровое внушение, что доктор, мол, старается не для кого-нибудь, а для ее же блага. Растущее недовольство уже грозило вывести противостояние на новый виток, как вдруг на сцене появился новый участник, изменивший весь ход дальнейших событий.

В поликлинику заявился Слава. Есть такая категория пациентов, в которых причудливым образом слились в одно целое болезнь и сволочизм личности. В таких случаях эффект обычно потенциируется, как у сочетания анальгина с димедролом. Или аминазина с реланиу-

мом[11]. Или водки с клофелином. Пришло это чудо в прескверном настроении, поскольку было на днях выписано из отделения с добрыми напутствиями в объеме четырех кубов галоперидола деканоата в задницу (в данном случае «внутримышечно» – недопустимый эвфемизм). Циклодола[12], который нейтрализует побочные эффекты галоперидола, Славе с собой не дали, зная его токсикоманические наклонности. Вот он и пришел в поликлинику с твердым намерением циклодол получить. И ведь получил бы, чай, и мы в лесу не звери, да вот не было циклодола. Слава принял отказ на свой счет, интерпретировал его в лучших традициях кривой логики, резонерства и опоры на слабый признак и выдал аффективную реакцию с бычьим ревом и выбиванием всех дверей подряд. А вот медперсонал этот парень нехилой комплекции и близко не трогал: сказывался опыт многих, многих госпитализаций. Сопротивление быстро приехавшей спецбригаде, которая, если помните, была вызвана для жаждущей убийства пациентки за те самые полчаса до визита Славы, было оказано чисто символическое, и больного увели в машину. Медсестра крикнула вдогонку бригаде:

– Эй, а нашу-то красавицу забирать будете?

Войдя в кабинет, фельдшер и санитары увидели хихикающего доктора. Она показывала на спрятавшуюся у нее за столом пациентку: макушка и два испуганных глаза. Умоляюще глядя на врача, та произнесла:

– Доктор, миленький! А может, я домой пойду? Можно? Ну, пожааалуйста!

---

[11] *Реланиум* – успокаивающее и снотворное.

[12] *Циклодол* – противопаркинсонический, расслабляющий мышцы препарат.

Брунхильда Степановна

В отрасли здравоохранения трудится много женщин. Оно и понятно, если принять во внимание, что в массе своей женщины более терпеливы и заботливы, нежели мужчины. Психиатрия, несмотря на некоторые особенности и опасности работы, тоже не является исключением. Один из распространенных штампов, начиная от обывательской среды и заканчивая порнографическими сайтами, – это образ сексуальной медсестры в мини-халатике, белых чулочках и с прочими атрибутами, способными вызвать знакомый трепет и некоторое стеснение в отдельных деталях гардероба. Психиатрия – дисциплина крайне гуманная, посему медицинские сестры подобного облика не устраивают в мужских отделениях дефиле, оставляющие после себя сладкие воспоминания и простор для вечерней эээ… медитации. Взять, к примеру, процедурную сестру отделения психозов. Мужского, естественно.

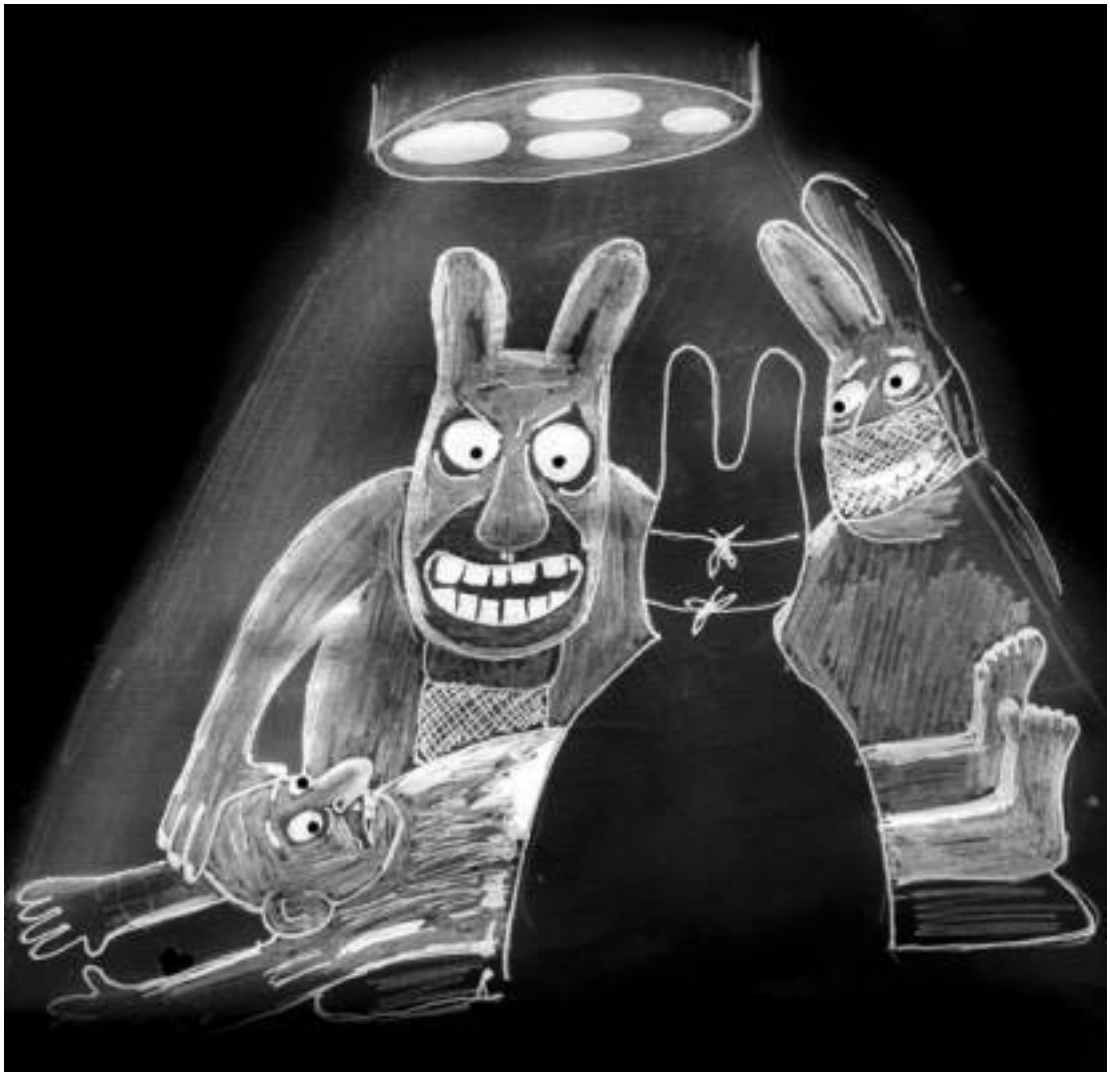
В скандинавском эпосе среди прочих персонажей фигурируют валькирии – этакие фрекен из Асгарда, вроде божественной скорой помощи для павших героев, коих они забирают с собой на небеса, на всеобщую пьянку с богами. Так вот, наша процедурная сестра – это даже среди валькирий случай особый. Для тех героев, которые стали бы противиться, уверяя небесных дев, что не пьют, или что у них еще дела дома – драккар там не проконопачен, огород не вспахан, жена не… Щазз! Брунхильда Степановна сказала – к столу, значит, умер, подскочил, на лошадь вспрыгнул! Так и в процедурном кабинете. Понятно, что кто-то с детства уколов боится, кто-то имеет стойкие идейные соображения, не позволяющие ему оголять зад перед незнакомыми дамами, кого-то давит, плющит и колбасит от назначенных лекарств. Но! Есть такая штука, как лист назначений. И если там написано, что у имярек галоперидол внутрипопочно три раза в день по кубику, значит:

а) бояться надо не уколов, а хозяйку кабинета,

б) ты в отделении три дня, значит, практически родной, и

в) а это уже лишнее, это уже воображение шалит, ишь ты – всем остальным вставляет, одного его, видите ли, плющит!

Был случай, когда пациент отказался идти в процедурный кабинет, а санитары, как назло, были чем-то заняты. В итоге в процедурку он все-таки отправился. Под мышкой у Брунхильды Степановны. Другого отказника она принесла в свои хоромы на вытянутых руках, держа одной за пояс, а другой за ворот. С тех пор ВООБЩЕ никто от процедур не отказывается.



К вопросу всеобщей грамотности

В России не существует (ну, по крайней мере, в острой форме и массовом порядке) проблемы безграмотности. Не знаю, должны ли мы благодарить за это советскую власть, или же просвещенные умы еще царской державы, которые подготовили новую власть к сей светлой идее, но факт остается фактом. И, как любое явление, имеет положительную и отрицательную стороны. О положительной мы знаем с детства:

Как хорошо уметь читать!
Не надо к маме приставать,
Не надо бабушку трясти:
«Прочти, пожалуйста! Прочти!»
Не надо умолять сестрицу:
«Ну, почитай ещё страницу».
Не надо звать,
Не надо ждать,
А можно взять
И почитать![13]

С отрицательной стороной мы знакомимся позже, когда совершенно неожиданно выясняется, что можно не только читать, но и писать. И писать можно не только книги, но и всякие жалобы в не менее всякие инстанции. Как выразился один современный российский адмирал: «Нам пишут. Погубит нас всеобщая грамотность».

[13] Стихотворение Валентина Берестова.

К жене на прием регулярно приходит пациент, скажем, Виталий. Шизофреник со стажем, вторая группа инвалидности, милейший в общении человек. Все было бы вообще какао-бобово, если бы не одно обстоятельство. Периодически на адрес диспансера приходят письма из прокуратуры с гневным воплем: посмотрите, точнее, почитайте, мол, что ваш негодник снова понаписал и, главное, КУДА! Примите меры и все такое.

Тут необходимо пояснение. Дело в том, что когда-то, задолго до манифеста заболевания[14], Виталик работал в милиции. А, получив нерабочую группу инвалидности, употребил кучу высвободившегося времени на самообразование. Оно ведь тоже коварно – мысли всякие навевает, а если нет рядом человека, готового вовремя провести дифференциальную диагностику между идеями мудрыми и бредовыми, то просто беда получается. Вот и решил обремененный свежеприобретенным багажом знаний Виталий, что вовсе никакая у него не шизофрения, а совсем даже органическое поражение головного мозга вследствие травмы головы, полученной на службе. Справедливости ради стоит сказать, что травма таки имела место. Дали по голове. И сознание терял аж на минуту. Правда, никуда не обращался, в стационаре по этому проводу не лежал, и все до поры до времени забылось. Как выяснилось, не навсегда. Расценив ушибленную в анамнезе голову как причину своих бед, Виталий пошел далее по логической цепочке: травма получена в период службы в МВД? Да. Следовательно, и заболевание получено в период службы. А это уже другая инвалидность, другая пенсия и другие льготы. ВТЭК[15] (так тогда она называлась) с выводами пациента не согласилась, и началась переписка со все более и более вышестоящими инстанциями, с обращениями в прокуратуру (ущемляют же в правах, демоны!). Предпоследним значимым перлом была переписка Виталика с администрацией президента. Администрация сдалась первой и попросила помощи у прокуратуры. Последняя переписка обещала стать интересной (Страсбургский суд, не хухры-мухры!), но, увидев запрос из суда о том, действительно ли герр Виталик повредил свой капут ум русиш полицайдинст, сотрудники прокуратуры подскочили и рысью поскакали в дурдом, настоятельно рекомендуя сделать же, наконец, хоть что-нибудь! На беседу с дорогим любимым доктором Виталик явился сразу же, был вежлив, беседовал охотно, на все вопросы отвечал внятно и бойко. Когда же доктор поинтересовалась причиной столь длительной и настойчивой переписки – дескать, не маленький, майне либе герр Виталик, сам понимаешь, что не выходит из твоей затеи ничего, кроме всебольничного геморроя, тот, ничтоже сумняшеся, ответил, преданно глядя ей в глаза:

– Так ведь они сами виноваты, Оксана Владимировна! Им бы сразу меня послать, так я бы понял, я вообще по природе понятливый. А они что? Стали мне отвечать, очень вежливо. И мне как-то неудобно было такую интеллигентную переписку прерывать!

---

[14] *Манифест заболевания* – первый случай открытого проявления болезни.

[15] ВТЭК – врачебно-трудовая экспертная комиссия. Устанавливает наличие, причины и степень инвалидности. Ныне – МСЭК.

Килограмм гвоздей

Я уже упоминал о теории, что профессия выбирает человека, а вовсе даже не наоборот. И уж если привел господь человеку работать золотарем, значит, были у него к тому латентные наклонности. Ну, и далее по списку. Эта история приключилась с моим другом, тоже психиатром. Ему частенько приходится участвовать в освидетельствовании граждан при прохождении водительской медкомиссии, при их устройстве на работу и прочая, и прочая, посему он, как и большинство из нас, докторов, придерживается этой теории.

Однажды к нему на медкомиссию пришла девчушка. Милое создание собралось посвятить себя работе следователем. Опустим рассуждения о причинах, по которым очень часто именно девчонки идут работать дознавателями, ибо версий много, и не все они приличные. Так вот, в ходе собеседования друг мой, Владислав Юрьевич, отметил у мадемуазель зубодробительное сочетание низкого уровня соображения с непоколебимой уверенностью в собственной правоте, и все это с налетом легкой брутальности. В результате коллега имел несколько интересно проведенных минут и к исходу беседы разжился распиской следующего содержания:

«Я, такая-то, год рождения, сим уверяю, что килограмм гвоздей действительно тяжелее килограмма ваты».

Расписку он бережно хранит у себя.

С хмутречком

Что утро добрым не бывает, знают не только студенты, но и преподаватели. Есть, правда, разница. Если бодрое хмутро приключилось с профессором, да еще и в день зачета или (святые угодники!) экзамена, то студенчеству приходит северный пушной зверь. Полный.

В тот раз на анатомии именно так и было. Испытывая горячую, неистребимую никаким аспирином любовь к экзаменуемым, профессор задал вопрос. Точнее, поставил ситуационную задачу:

– Мужчину привязали за член к бамперу машины. Машина ме-е-е-дленно двинулась вперед. Какие связки пострадают?

Выслушав и забраковав ответы, он вздохнул (первые ряды испытали настоятельную потребность если не закусить, так хоть занюхать), обвел всех укоризненным взором и промолвил:

– Голосовые, товарищи студенты! Все придете через неделю на пересдачу.

Димка

Был у меня в общежитии сосед, Димка. Можно сказать, абориген местного масштаба. Дело в том, что только на моей памяти он второй или третий (может, четвертый, чем кафедра фармакологии не шутит) раз оставался на третьем курсе. И ведь дело не в природной глупости, отнюдь! По уровню общей осведомленности и способности держать нос по ветру парню не было равных. Пожалуй, всему причиной была его доброта. Общительный по природе, он собирал вокруг себя большую компанию (справедливости ради надо отметить, что мы с женой там и познакомились), причем люди в ней могли быть самыми разными, включая бывшего десантника-инвалида, радиогения-неудачника, а уж родного брата-медика-студента там всегда было преизрядно. Собирались ближе к вечеру, общались, что-то параллельно готовили на плите общей кухни, бренчали гитарой, а ближе часам к одиннадцати-двенадцати садились за партию в покер под бутылочку, а то и другую спирта «Роял» (по принципу – что на подработке охраняем, то и пьем) с растворимым кофе и мускатным орехом плюс вода один к одному. Расходились под утро. Тут бы и Диме на занятия пойти, ан нет.

Была в его характере эпилептоидная нотка. Для тех, кто не в курсе, справка: сколько времени нужно человеку в среднем, чтобы описать свою поездку до работы? Я имею в виду не полет на буровую и не визит на МКС. Я опять-таки имею в виду, что по пути не было аварий, никто не пытался угнать автобус-трамвай-троллейбус в Иран или Турцию. Представили? А эпилептоидному по характеру индивиду на такой рассказ потребуется минут десять, если вам повезет. Но это ладно, есть такой термин, как вязкость характера. Так вот, вязкий пассажир вообще до работы не доедет. Я имею в виду, в своем рассказе. Именно вязкость характера не позволяла Димке уйти на занятия, оставив комнату неубранной. Это не считая того, что изучение материала являлось для него мучительным, с увязанием в ненужных подробностях процессом, сравнимым с потугами бегемотика непринужденно порхать с кувшинки на кувшинку.

Однажды нами был поставлен эксперимент, целью которого было подтвердить факт наличия оной особенности. Пока Димка ходил снимать с плиты сковородку с картошкой, мы коварно произвели в его комнате одно действие, которого не заметил бы обычный человек. На полке с книгами стоял резиновый пупс – Айболит в белом чепчике с красным крестом. У пупса поворачивалась голова. Произведя диагностическую декапитацию[16], мы эту голову приставили пупсу обратно, но так, чтобы чепчик оказался на месте шеи, а шея – ну, соответственно. Сам Айболит при этом оставался точно в том же месте и под тем же углом, что и до экзекуции. Вся манипуляция заняла не более пяти секунд, и мы расселись по местам, ожидая появления подопытного.

Буквально в первые же секунды Димка стал проявлять признаки беспокойства. Он едва дождался конца трапезы, чтобы начать ревизию комнаты. Не понимая причины своего дискомфорта, но отмечая на грани восприятия, что здесь что-то не так, он барражировал вдоль полок подобно субмарине Дёница[17] в поисках транспортного каравана. Все было тщетно! Сканирование местности показывало, что все детали интерьера на местах, но подсознание требовало искать виновника алярма. И он нашел! Окинув нас взглядом, он беззлобно пробормотал: «Вот суки…» – и, умиротворенный, пошел мыть посуду.

---

[16] *Декапитация* – обезглавливание.

[17] *Карл Дёниц* (1891–1980) – немецкий государственный и военный деятель, в 1935–1943 годах командовал подводным флотом Германии.

Внештатный сотрудник

Добровольная помощь правоохранительным органам, распространенная и всячески приветствуемая в Германии и некоторых других странах забугорья, в России, как правило, не считается признаком хорошего тона. Более того, вызывает косые взгляды. Более того, иногда приводит к мордобою. Крепки в народной памяти воспоминания о доброжелателях и черных воронкбх. Ну, не принято. Дураков нет. Или почти нет.

Есть на участке у моего приятеля олигофрен. В целом товарищ довольно безобидный. Вторая группа инвалидности, куча свободного времени… Если честно, лучше б дворником работал. Или почтальоном. Как говаривал наш старшина: «У личного состава не должно быть свободного времени. Свободное время солдат употребляет на всякую херню». Здесь это налицо. И на всю голову. Как-то наш герой решил, что ему нужна казачья форма. То ли он счел, что будет солиднее в ней смотреться, то ли что девчонкам скоропостижно нравиться начнет – в общем, обзавелся он всем этим комплектом первого парня на деревне, а счастья все нет и нет. Как не видели его в упор красотки младые, так и продолжают упорствовать в избирательной своей слепоте. Куда податься бедному дебильчику? Естественно, ни о какой сублимации он и слыхом не слыхивал, и Челентано с его дровами не смотрел, но на то они и законы природы, чтобы действовать независимо от уровня интеллекта: не везет на личном фронте – проявляй себя в работе. А куда с группой инвалидности сунешься? Тем же дворником? Так ведь не комильфо самопровозглашенному бравому казаку двор мести. Ему б шашку, да коня, да на линию огня… И он придумал себе достойное занятие.

Однажды на кольцевой развязке дорог между Центральным и Комсомольским районами появился человек с полосатым жезлом и в казачьей форме, который принялся бойко вносить

коррективы в движение плотного транспортного потока. Несколько водителей купились на атрибут представителя власти, что чуть было не привело к ДТП. Прибывшие на место сотрудники ГИБДД оказались не рады добровольному помощнику. Какое коварство с их стороны! В результате псевдоказачий лжегаишник очутился сперва в обезьяннике, а потом в психдиспансере. Полагаете, это его чему-нибудь научило? Как бы не так! У него появилось хобби: успеть порулить движением, пока милиция не подтянется, либо сами же водители физиономию лица не набьют. Один раз приехавшая спецбригада в буквальном смысле сняла его с боевого дежурства – за шиворот и в салон, почти не останавливаясь, чтобы не мешать движению. Но стационарное лечение рано или поздно заканчивается, из деревяшки любовно выстругивается и аккуратно раскрашивается новый жезл взамен отобранного… Служба продолжается!

Цветочки-таракашечки

Жену однажды вызвали на консультацию в пульмонологию.

Ездить на консультации в соматические стационары[18] – это, так сказать, полезная нагрузка психиатров амбулаторной службы. Вызов на этот раз был вроде по существу, то есть не невротическая пациентка, которой вдруг ком в горле стал ну так мешать, что жить дальше нет никакой возможности, а достойная немедленного внимания и лечения галлюцинаторная симптоматика. Еще точнее – делирий[19]. Казалось – как, откуда, бабулечка – божий одуванчик и ничего страшнее ложки кагора в церкви на большие праздники себе хлопнуть не позволяла. Ну, может быть, пять капель валокордина под животрепещущие новости с экрана. А тут –

[18] То есть обычные, не психиатрические стационары, занимающиеся лечением болезней тела.

[19] *Делирий* – психическое расстройство, протекающее с нарушением сознания: галлюцинациями и бредом.

раз – и на ее белоснежной больничной простыне самым наглым образом появились (о ужас!) тараканы. Вот она и стала предъявлять вполне справедливые претензии в адрес медперсонала – совсем, мол, мышей (sorry, тараканов) не ловите, развели тут антисанитарию, вот при Сталине…

Механизм такого делирия прост: интоксикация на пике пневмонии плюс органика (ну, у кого в таком возрасте нет хотя бы завалященького атеросклероза сосудов, в том числе и головного мозга?) равно делирий. Ну, знание этиологии – это здорово, это повышает самооценку, но надо же лечить. Вот и отправилась Оксана Владимировна в медгородок с важной миссией извести тараканов на простыне. А заодно и в голове пациентки.

В отделении по пути в палату медсестра заново рассказала, как все происходило, и добавила:

– А сейчас ей лучше. Вот, посмотрите.

На больничной койке сидела совершенно счастливая старушка. Восторженным взглядом она окидывала свое ложе и, буквально излучая радость, нежно гладила ладонью простыню. Медсестра пояснила вполголоса:

– Я подошла, встряхнула простыню и сказала, что тараканов больше нет, зато вон сколько цветов по просьбе заведующего ей насыпали! С тех пор и наслаждается. Может, не назначать ей ничего – хорошо же человеку…

Бешеный склероз

Однажды на прием к нашему другу, тоже врачу-психиатру, пришла пациентка лет пятидесяти – пятидесяти пяти. Причем «пришла» – это громко сказано. С картинно-страдальческим выражением лица, ощупывая дрожащей рукой стену, она пересекла порог кабинета, громко заявив:

– Где у вас тут сесть? А то я не ориентируюсь.

Нащупав спинку стула, она стала медленно садиться мимо него. Сразу обратил на себя внимание тот замечательный факт, что свою драгоценную пятую точку она опускала хоть и мимо стула, но не менее плавно и аккуратно, чем экипаж трансконтинентального авиалайнера сажает свою машину, дабы чего этакого не повредить при посадке. Нарочито размашистыми движениями порывшись в сумке, отчего пол оказался усеян какими-то листовками, буклетиками и календариками, она извлекла из ее недр некую справку.

– Вот!

– Вот – что? – участливо поинтересовался доктор, предвкушая спектакль.

– Нет, кто тут из нас больной? Я была на приеме у терапевта, он меня посмотрел и написал справку, что психиатры должны дать мне инвалидность! Что тут непонятного?

– И что же с вами стряслось, позвольте полюбопытствовать?

Сделав страшные глаза, дама наклонилась поближе и доверительно прошептала:

– У меня БЕШЕНЫЙ СКЛЕРОЗ!

– Позвольте узнать с целью повышения образовательного уровня: это терапевт вам такой диагноз установил?

– Да-да, он там все написал, только я прочесть сама не могу: я читать разучилась. И писать тоже.

Доктор принялся за изучение справки, но вожделенного диагноза не обнаружил. Терапевт предполагал болезнь Альцгеймера под вопросом (вопрос в этом предварительном диагнозе был единственно правильным предположением, но терапевта винить не в чем: такие кадры и к нам-то нечасто захаживают, что уж тут о коллегах говорить!) и интересовался – может, инвалидность, мол, дадите («а то она всех нас уже поимела», – читалось между строк без особых усилий и приборов).

– Ну, хорошо. А что еще вы разучились делать?

– Я не могу есть! Я ложкой тычу мимо рта, меня сын кормит!

– А готовите сама?

– Сама, – спохватившись: – но невкусно! Ой, мне плохо!

– Никогда бы не подумал. Наоборот, склероз – это самая приятная болезнь: ничего не болит, и каждый день новость… У вас-то что плохо?

– Я ПАМЯТЬ ТЕРЯЮ! И ПОНЯТИЯ!

– Так и запишем: истекает, мол, памятью и понятиями. Ай-ай, это плохо, без памяти и без понятий. Без понятий сейчас никуда… А как вы нас-то, к слову, нашли? Без памяти-то?

– Добрые люди подсказали.

– Надо же, действительно добрые. С понятиями.

Путем косвенных расспросов удалось установить, что тетенька своим псевдодементным[20] поведением терроризирует не только родного сына и невестку, но и в той или иной степени весь подъезд – то до магазина ее довести, то мешочек картошечки обратно принести – в общем, никому не скучно, и все при делах.

---

[20] От «деменция», то есть слабоумие. И «псевдо» – то есть клиника напоминает слабоумие, но при этом на самом деле интеллект не страдает.

Самое интересное началось, когда доктор попытался донести до истекающего памятью и понятиями разума дамы, что инвалидность ей, как бы это помягче сказать, не светит. Началось утро в колхозе! Были стоны, были вопли, были попытки упасть в обморок (очень аккуратно, чтобы не помять пальто и не сбить прическу), были угрозы крестового похода в министерство, перемежающиеся криками «Где тут главврач?». Заглянувший на огонек заведующий (вот вы-то нам и нужны, Виктор Александрович!) тут же был насильно втянут в эмоциональную дискуссию о достойных инвалидности людях (у соседки Клавы – вторая группа, у Люськи тоже, у бабы Кати – первая, а я чем хуже?!) и черствых, совершенно не секущих тонкости момента докторах-садистах. Через полчаса насквозь больное создание удалилось на форсаже, напрочь забыв про слеповато-глуповатое ощупывание предметов окружающей обстановки. Доктор с заведующим переглянулись и двинули на перекур. В коридоре они вновь столкнулись с бешеной склеротичкой.

– Где справка, которую мне терапевт написал?

– В урну выкинул, – не моргнув глазом соврал врач, успевший подклеить сей важный документ в амбулаторную карту.

Через час к заведующему пришла расстроенная санитарка.

– Что за безобразие, Виктор Александрович! Тут какая-то больная перевернула все урны на территории больницы. Такое впечатление, что весь мусор словно просеян. Сторожа вон тоже жалуются…

Ненасытная

У нашего друга на участке есть пациентка. Зовут ее… пусть Наталья. Внешность у Наташи барбиподобная, только Барби проигрывает ей в пышности форм и красоте глаз. У Натальи такие страхи, что вам и не снилось. Какая там боязнь открытых-закрытых пространств, какие страхи перед поездкой в транспорте, жучками-паучками и плохо помытой посудой! Мелко плаваете и узко мыслите, господа невротики! Садимся, достаем блокнотики, записываем.

Впервые она пришла на прием лет пятнадцать назад, когда разводилась с мужем. Тогда она поделилась с доктором своими опасениями проглотить иголку: дескать, мама в детстве

настращала, что нельзя при шитье иглу между зубов держать – проглотишь, мол, и абзац. Кто ж знал, что наставления старших так крепко оседают в памяти! Подлечили, успокоили, а через пару месяцев страх возобновился. Мол, боюсь до смерти, мол, держите меня семеро, иначе никаких гарантий. Снова подлечили, и снова хватило на пару месяцев. На сей раз добавился страх, что не только сама иголку проглотит, но и детей угостит. И вновь лечение – медикаменты, психотерапия – в общем, куча народу занята, никто не скучает. Опять же, в отделении неврозов такие мальчики интересные…

Когда все доктора амбулаторной службы выучили имеющуюся симптоматику наизусть, картина переживаний поменялась. Теперь больная стала бояться, что проглотит БОМБУ. Нет, вы не ослышались. Не больше и не меньше. И так ее этот страх терзал, что даже выйти в магазин бедная девчонка не могла: а ну как там талибы лоточек с бомбочками вынесли? Она ж за себя не отвечает, как выскочит, как выпрыгнет, как пойдет фугасы лопать без разбора! Никаких гарантий личной и общественной безопасности.

Время шло, и страхи, одолевавшие больную, несколько утратили остроту. Поблекла прелесть новизны; ну, боится дама, да и ладно, она уже лет десять как боится, а нужной бомбы так и не подвернулось. Видя, что ни пациентка, ни врачи уже не реагируют с должным трепетом на «всем бояться!», подсознание сделало следующий ход. Боевым единорогом. Наталью вновь доставили в диспансер в полуобморочном состоянии, с картинно прижатой к полузакрытым очам рукой и общим выражением мировой скорби на милой мордашке.

– Чего боимся в этот раз, красавица? – поинтересовался врач, с любопытством глядя на разворачивающуюся пантомиму, и Наталья ответила с этаким придыханием:

– Доктор! Я боюсь, что проглочу ЭТОТ МИР!

– Давно пора! Мне самому он не нравится, – воодушевился доктор и сел писать направление на госпитализацию.

Гомеопсихопат

Есть за мною грешок: занимался когда-то года три частной психиатрической практикой. Был я единственным действующим частным психиатром на всю область. Главный психиатр области, получивший такую же лицензию и благополучно на нее забивший, не в счет. Не буду рассказывать о процессе лицензирования, инспекциях в перерывах между инстанциями и прочая, поскольку это другая история. Обосновался я в физкультурно-оздоровительном центре, начал прием пациентов, и тут как-то заглянул в мои пенаты мужичок с растрепанными волосами и горящим взором. Надо сказать, что поначалу я принял его за пациента в гипоманиакальном состоянии[21] (справедливости ради стоит отметить, что, скорее всего, не сильно-то я и ошибся).

Бодренько протопав в кабинет, он плюхнулся в кресло, поискал на моем лице признаки неземного восторга по поводу своего визита, не нашел, удивился и отрекомендовался мне здешним ГОМЕОПАТОМ. Именно так, каждая буква – заглавная, мужчины приподнимают шляпы и склоняют головы, женщины наперегонки выпрыгивают из деталей гардероба, всеобщий трепет и поедание глазами! Да-да, припоминаю этакую мемориальную табличку в мраморе и с золотыми буквами – мол, вы не поверите, но здесь имеет честь трудиться и все такое.

– Мы с вами коллеги, давайте знакомиться!

Насчет коллег – это он мощно задвинул, впечатлило. По мере знакомства крепло не вполне оформленное поначалу желание воспользоваться лития оксибутиратом[22] для ургентного, то есть срочного прерывания маниакальной симптоматики. Новоявленный коллега рисовал перед моим притихшим в средней степени ступоре воображением, какие радужные перспективы сулит человечеству в целом и психиатрии в частности гомеопатическое врачевание психических болезней:

– Ведь, если исходить из принципа «подобное лечится подобным», то для лечения галлюцинаций достаточно взять галлюциноген – мухомор, ЛСД, калипсол, на худой конец. Развести в должной пропорции и давать пациенту.

Воображение икнуло и выдало картинку госнаркоконтроля, переминающегося под дверью, за которой расположились на бельевых веревках ожерелья из мухоморов, венички из конопли, марочки, посылочка из Мексики. Пытаясь как-то отшутиться, я поинтересовался, нет ли у дона гомеопата столь же далеко идущих планов в лечении, скажем, всякого вида и рода наркоманий? Зачем я его об этом спросил! Он с ходу выдал мне свои бесценные (ну, мы же коллеги, десяти процентов с приходящих пациентов будет вполне достаточно, я не жлоб какой-нибудь!) соображения по разведению героина в пропорции один к ста тысячам. Воображение сползло под стол и оттуда вместо белого флага показало мне картинку ОМОНа, весело ломающего двери моего кабинета. Проявив чудеса самодисциплины и цензуры речи, я тепло поблагодарил новообретенного соседа за визит и со вздохом облегчения закрыл за ним дверь. То ли господь услышал мои молитвы, то ли я ходил мимо кабинета «коллеги» как можно незаметнее, но больше он не приходил.

---

[21] Гипоманиакальное состояние характеризуется легко выраженными признаками маниакального синдрома: оптимистически-радостным настроением, улучшенным самочувствием, стремлением к активной деятельности.

[22] *Лития оксибутират* – успокаивающее. В частности, используется при маниакальном и гипоманиакальном состояниях.

Аборт похмелья

Дело было в общежитии. Мы тогда учились на пятом курсе мединститута. Учеба к этому времени была уже не в тягость, достаточно было исправно посещать занятия и хоть изредка – лекции (соблюдая договоренности и составленный на несколько человек скользящий график), а свободное время посвящать занятиям всякой фигней. В теперешнем ее понимании, естественно. Ну, а какая же фигня без возлияний? Правильно, никакая.

Вот два моих приятеля, Андрей и Славик, ныне уважаемые специалисты: один в области сосудистой и косметической хирургии, другой по части гинекологии, – решили украсить рукава своих кимоно цветами клана Фудзивара, то есть выпить как следует. Затея удалась на все сто. Как гласит народная мудрость: «Если утром хорошо, значит, выпил плохо».

Утреннего «плохо» было столько, что хоть на экспорт отправляй. Что обнадеживало, так это наличие некоторого багажа теоретических, по большей части, знаний и обширная аптечка, собранная по принципу «а не фиг было оставлять на видном месте». Точно помня, что среди прочих жутко полезных для хрупкого студенческого здоровья препаратов наверняка завалялась ампулка с реланиумом (или феназепамом, история умалчивает), Славик попросил Андрея оказать ему посильное внутривенное воспомоществование.

– Только саму ампулку не выбрасывай, пригодится, чтобы под списание обменять.

Горя непреодолимым стремлением к всеобщему благу и процветанию, Андрюха набрал шприц и влил целебную влагу в измученное экзогенным этанолом тело друга. Прошло несколько минут. Вопреки ожиданию, стремительного улучшения состояния Слава не ощутил. Напротив, пожаловался на какие-то спазмы в низу живота. Плюнув на традиционную медицину вообще и на фармакологию в частности, решили скудных денежных средств не жалеть и поправиться традиционным русским способом. На этот раз эффект был более заметен, а главное – наступил быстрее. Но спазмы в животе никуда не делись.

– Просроченная, что ли? – гадал Славик. Решили взглянуть на ампулу повнимательнее. Срок годности оказался нормальным, с приличным запасом. Вот только…

– Ну, извини, Слав, я не рассмотрел. Кто ж знал, что у тебя в пакете еще и окситоцин[23] до кучи окажется!

Приятели долго еще дразнили Славика злостным окситоцинщиком.

[23] *Окситоцин* – гормональное средство, стимулятор родовой деятельности.

ALCOHOLISMUS
Россия,
вперёд!

На юг вороны полетели, елки-палки

Автозаводский РВК[24] – крупнейший или один из крупнейших в России по охвату населения. Невероятное столпотворение в призыв. Убитые вусмерть кабинеты врачей и узкие длинные коридоры, пропахшие потом и табаком. Минимум две командировки в год для каждого из участковых психиатров, дурдом, что называется, на выезде. Вместе с тем – невероятно слаженный, спаянный и высокопрофессиональный коллектив с жизненно необходимым для такой работы чувством юмора, а также с солидным запасом долготерпения и смиренномудрия.

Старший врач чем-то напоминал доктора Ватсона. Поначалу он страшно переживал за проведение призыва:

– У нас завис призывник, надо что-то предпринимать!

На что познавший дао персонал успокаивал шефа:

– Александр Геннадьевич, завис он не у вас, а у военных, а вы расслабьтесь и наслаждайтесь процессом призыва.

Надо сказать, военком старшего врача уважал и ценил, бо было с кем сравнивать. До него на этой ответственной должности была девица, обладавшая кукольно-порнографической внешностью и настолько гибким морально-этическим комплексом, что оживившиеся поначалу офицеры военкомата по прошествии некоторого времени уже откровенно побаивались оставаться с ней наедине. Чего стоили ее порхания по набитому призывниками коридору в кофточке с выпрыгивающим из декольте бюстом, мини-юбке и черных ажурных чулках на подвязках! Парни потом в кабинете дерматолога не могли раздеться: как-то неудобно, знаете ли, а утверждать, что это перспектива службы в рядах российской армии их так возбуждает – так ведь не поверят.

К слову, о дерматовенерологе. Вика – красивая дама, из-за пухлых щечек и сурового взгляда немного похожая на хомячка-убийцу, – прекрасный специалист. Парни в кабинете на требование предъявить хозяйство к осмотру начинают смущаться и краснеть, некоторые невольно демонстрируют вполне естественную реакцию на присутствие молодой симпатичной женщины, на что та смешно обижается и дуется.

В том же кабинете сидят хирург и нарколог. У всех общая профессиональная вредность – запах. Кто бы мог подумать, что в городе, где всегда есть горячая вода, где не нужно ждать банного дня, чтобы помыться, где дезодоранты продаются где и какие хочешь, столько народу принципиально не пользуется этими элементарными благами цивилизации! Иногда после визита такого, как говорит Вика, подлого скунса, приходится проветривать помещение. Валентина Михайловна, нарколог, удивительно добрый и душевный человек, этакая всеобщая бабушка. Выловив в коридоре кого-нибудь из своих учетных, она отправляется с ним в рейд по остальным специалистам, чтобы парень не сидел в очереди, приговаривая при этом:

– Это мой наркошечка, он все равно негодник, давайте остальное ему подпишем и пусть идет с богом.

Психиатр находится в несколько более привилегированном положении, у него отдельный кабинет, через который ежедневно проходит уйма народу. Рекорд жены – двести шестьдесят девять призывников за смену. У меня скромнее, где-то в районе двухсот. В кабинете две двери: одна в коридор, а другая – в кабинет дерматовенеролога-хирурга-нарколога. И перегородка между кабинетами не иначе как фанерная. Впрочем, оно даже хорошо. Можно, услышав перепалку коллег с особо вредным призывником, позвать его к себе в кабинет, не вставая из-за стола. А также быть в курсе последних городских сплетен. Или травить анекдоты, чуть приоткрыв общую дверь. Не нужно сильно напрягаться в поисках психопатологии. Ско-

[24] РВК – Районный военный комиссариат.

рее, наоборот. Помню, в одну из первых своих командировок в военкомат жена сорвала призыв, ЛИЧНО списав триста восемьдесят человек при общем количестве призывников полторы тысячи или около того. А потом пряталась в кабинете окулиста от разъяренного военкома, который носился по коридору красный, почище синьора Помидора, и требовал подать ему сей же час психиатра. Ха! Нема дурных.

Не знаю, снизился ли, по официальным данным, уровень общей осведомленности населения, но если раньше можно было пытаться подловить призывника на каверзном вопросе вроде: «Шла баба с тестом, упала мягким местом, чем ты думаешь?» или «Назови столицу Прибалтики», – то сейчас подобные вопросы вызывают чуть ли не кататонический ступор у девяти десятых контингента. Более того, на скрининг-опрос, проведенный женой в течение месяца среди двух тысяч юношей, с контрольным вопросом: «Назовите столицу Украины», – она получила в ответ следующие перлы (перечислены в порядке распространенности): Литва, Белоруссия, Россия. В отчаянии попросив одного из призывников сказать хотя бы, в какой стороне находится Украина по отношению к России, Оксана Владимировна выяснила душераздирающую подробность: оказывается, севернее. И сало, по версии тестируемого, местное население добывало из белых медведей. Правильный ответ дал, слегка удивившись, инженер с ВАЗа двадцати восьми лет, пришедший получить военный билет. Справедливости ради стоит отметить, что опрос проводился в 1996–1997 годах, когда с образованием в стране была, по нашему скромному мнению, пятая точка.

Отправляя на обследование парня с подозрением на дебильность, пришлось выслушивать вопли отца – как же, родное чадо, и вдруг дебил. Пытаясь показать негодующему родителю, что, мол, вот – и то на это он не может умножить, и этого не знает, доктор обнаружил, что родитель знает еще меньше. Что ж, груши на яблоне не растут.

Отчим другого парня умолял, чтобы пасынка забрали в армию. Причина оказалась простой: парень страдал игроманией и успел просадить в салоне игровых автоматов какую-то неимоверную сумму. Основной аргумент был: «Ну пусть ему хоть там мозги вправят!»

Другой призывник ни дня не учился в школе. Почему? Только не падайте: папа не разрешил. У папы, видите ли, были веские причины. Старшая дочь училась хорошо, и родитель пожелал, чтобы она сдавала экзамены экстерном, а школу не посещала – мол, дома дел по горло, нечего время терять. Получив отказ, он так разобиделся на систему образования, что заявил: «Тогда моего сына вы и вовсе не получите». Папа сказал – папа сделал. В итоге двадцатичетырехлетнее безработное дитё оказалось совершенно неграмотным, и все планы в отношении дальнейшей жизни сводились к мечте стать фокусником, без тени попыток мечту сию сбыть. Возможно, ждет заветного «ахалай-махалая» из уст самого Акопяна.

Одного призывника привела гневно раздувающая ноздри врач-окулист. Он, видите ли, не мог назвать ей буквы. Стали выяснять – и в самом деле не мог. Потому что не знал. В цыганском таборе такие умения ни к чему. Вот украсть что или…

– Ну, что она ко мне привязалась! Красавица, давай погадаю – что было, что будет, чем сердце успокоится, а?

Деньги при этом считал с лету. Вернулись к окулисту, стали проверять зрение по «подковкам» – снова загвоздка: ну не знает ромалэ, где право, где лево! Уговорились, что будет пальцем показывать, в которую сторону она разомкнута. Зрение оказалось стопроцентным.

Пришел очень стильно одетый, модно постриженный и уложенный вьюноша. Танцующей, чуть развинченной походкой приблизившись к столу, он слегка оперся о его край, продемонстрировал безупречный маникюр. На вопрос о жалобах чуть жеманно ответил:

– Доктор, я парикмахер, – последнее слово было произнесено с придыханием.

– Ну, парикмахер, понятно, а жалобы-то какие?

Взгляд из-под слегка подкрашенных ресниц, как на пьяного сантехника, с которым общаться неприятно, но приходится – унитаз-то течет…

– Доктор, вы не поняли, я – ПАРИКМАХЕР!

– А, гомосексуалист? Так бы и сказали, а то ваши эвфемизмы я не успеваю разучивать.

Часто приходится слышать, как призывники полушепотом рассказывают о том, что кто-то из них классно закосил под дурачка. Официально заявляю: вовсе нет, смекалистые вы мои. Вовсе нет. Косить вам даже не пришлось.

Вообще же, несмотря на напряженный график и некоторую общую уставную придурковатость, работать в военкомате интересно и полезно для сохранения пластичности мыслительных процессов. А также развития обостренного чувства нюха и воинской смекалки. Вспомнил, кстати, песенку, очень даже в тему. Слышал много редакций, вот одна из них. Здорово поднимает боевой дух личного состава.

На Юг вороны полетели (елки-палки),
Пришла осенняя пора (дождь и слякоть),
Ребят всех в армию забрали (хулиганов-раздолбаев),
Настала очередь моя (главаря).

Пришла повестка с райвоенкомата (на бумажке туалетной, сильно смятой, чем-то сжатой)
Явиться в райвоенкомат (в девять-тридцать, мелкой рысью).
Мамаша в обморок упала (возле печки, к лесу задом),
Сестра сметану пролила (вот противная девчонка, рубль двадцать потеряли).

Друзья, мамашу посадите (обратно на печь, все как было),
Сестра, сметану подлижи (за рубль двадцать, в банку снова).
А я, молоденький парнишка (лет 17, 20, 30, 40 с гаком, сколько было – уж не помню),
На фронт Германский подался (прямо с места и в кальсонах).

За мною вслед бежит Аксинья (юбка синяя, морда тоже)
В больших кирзовых сапогах (на босу ногу без капрона, оба правых нестандартных).
За нею следом Афанасий (семь на восемь – восемь на семь)
С большим спидометром в руках (как будто скорость измеряя в килограммах на ходу).
Сижу в окопе неглубоком (метров 8, может, 10, залезали с парашютом),
Подходит ротный командир (рожа – клином, звали – Климом).
Здорово, братцы-новобранцы (матерь вашу, вас туда же),
Сейчас в атаку побежим (прямо, влево и обратно, чтобы чисто не замерзнуть).

Летят по небу самолеты (бомбовозы, поки-фоки и не токи),
Хотят засыпать нас землей (черноземом и навозом, грязью всякой, с головою).
А я, молоденький парнишка (лет 17, 20, 30, 40 с гаком, сколько было – уж не помню),
Лежу с оторванной ногой (челюсть сбоку, глаз в кармане, притворяюсь, симулянт).

Ко мне подходит санитарка (звать Тамарка):
Давай тебя перевяжу (сикось-накось, накось-сикось)
И в санитарную машину (студебеккер, черный ворон без мотора, экскаватор)
С собою рядом положу (для интересу, мягче будет, так удобней, только боком).

С тех пор годов прошло немало (лет 17, 20, 30, 40 с гаком, сколько было – уж не помню),
В колхозе сторожем служу (не тужу),
Ращу картошку-скороспелку-пионерку (свиньям на корм, людям тоже),
Жену Тамарку сторожу (от соседей и туристов, чтоб не сперли, а ведь могут – в наше время…)

Астрально-сексуальный маньяк

Подобно материальному миру, что дается нам, согласно В. И. Ленину, в ощущениях, мир астральный также очень интересен и насыщен красками, явлениями и событиями. И точно так же в нем имеются свои темные и опасные стороны, которые поджидают неосторожного путника за каждым астральным углом. Тут очень важно не потерять рассудка и не дать втянуть себя в противостояние сил, о которых рядовые граждане и понятия-то не имеют.

Наблюдается в доблестном диспансере пациентка – предположим, Светлана. Ей за пятьдесят. Особняком от ее амбулаторной карты хранится толстая папка. В папке – переписка Светланы с Петровкой-38, генерал-полковником Прониным, а также письма из прокуратуры в психдиспансер с многочисленными просьбами разобраться, наконец, как положено и положить кого попало. Злоключения пациентки начались с того, что стала она внимательно смотреть телепрограмму «Ваш личный парапсихолог». Посмотрела-посмотрела, да и попала в коварные парапсихологические сети. После того как она пару раз проконсультировалась по телефону с тамошним специалистом, у нее вдруг совершенно подлым образом возникло к нему непреодолимое сексуальное влечение. Светлана, как и положено приличной замужней даме, возмутилась: мол, что вы себе, товарищ парапсихолог, позволяете, прекратите немедленно. А мерзавец нет чтобы покаяться или хотя бы признаться в неземной любви, окатил ее презрением и сделал вид, будто бы и вовсе с нею не знаком. Слыханное ли дело, после двух-то телефонных звонков и послания по электронной почте! Ну, хорошо, пусть даже незнакомы, пусть астральный секс (а именно такие ощущения стали все чаще появляться у Светланы) и не повод для знакомства, но тогда зачем же продолжать? А воздействие продолжалось, и его жертва обратилась за консультацией к ведущим (по крайней мере, так было написано в рекламе) специалистам по магии, биоэнергетике и эниологии[25]. Все они в один голос радостно подтвердили: да-да, так оно и есть, вот элементы зомбирования, вот энергетическое поражение, вот явные свидетельства подселения чужеродной сущности, а вот и пути воздействия – телефон, телевидение, Интернет, а также бегущая строка (вообще убойная для неокрепшей психики вещь). Так что мы все к вашим услугам, давайте срочно исцеляться и защищаться. Но, по всей видимости, в данном случае было задействовано настолько сильное колдунство, что воздействие продолжалось: со слов Светланы, нарушались процессы мышления (особенно это касалось логической его части), возникали панические атаки, явственно ощущались манипуляции в области половых органов. Пациентка, как врач с многолетним стажем, подошла к вопросу диагностики основательно, прошла полное обследование, которое никакой значимой патологии не выявило, что послужило подтверждением ее догадок: искать следы надо в астрале. Обратившись к своему подсознанию, неутомимая в поисках дама почти тут же нашла ответ: сомнений нет, воздействие производилось через первую и вторую чакры путем их привязывания ко всем предметам обстановки в квартире (а она-то еще поражалась – и почему это ремонт так тяжело ей дается!).

Настала пора решительных действий, и завязалась переписка с Главным управлением внутренних дел г. Москвы (ваши крокодилы, пардон, парапсихологи, вы и разбирайтесь). По почте отправлениями первого класса шли толстые конверты с вещдоками: вот отпечатки астральных когтей под выключателем и на потолке, вот фотографии квартиры с указанием особо геопатогенных мест и точек привязки ее чакр, вот приклеенные к бумаге волоски чужой сущности, найденные на стенке унитаза (эта сволочная чужеродная сущность еще и унитазом их пользуется без зазрения совести!), вот особые частички сажи, найденные под электроплитой… В общем, попался, голубчик, берите маньяка-парапсихолога тепленьким, а меня избавьте от его

[25] *Биоэнергетика* – наука о превращениях энергии в живых организмах. Эниология – наука об энергоинформационных взаимодействиях.

астрально-сексуального преследования! Ну, и так, по мелочи, несколько аналогичных писем в СЭС (налицо признаки вопиющего нарушения астральной санэпидобстановки) и в общество защиты прав потребителей (хотела-то всего лишь парапсихологическую помощь, а огребла насильника из тонкого мира).

…Сейчас все у Светланы хорошо. Преследования прекратились (галоперидол вообще очень мощное средство от любых воздействий космического масштаба), занялась она на досуге паломничеством по святым местам и продажей жутко целебных препаратов на основе меда. Про свои мучения вспоминает с улыбкой.

В мире много неизведанного, и не все неизведанное альтруистически-доброжелательно к нам настроено. Посему, дети мои, остерегайтесь, будучи неподготовленными, соваться в глубины астрального мира в неурочный час, когда силы зла господствуют безраздельно!

Аццкий сотона

Ходит к жене на лечение пациент. В миру его зовут, предположим, Артем. Истинное же имя нам, простым смертным, знать не положено. Впрочем, все по порядку.

Жил-был парень с простой русской фамилией. Годам к двадцати стал он осознавать – что-то в его жизни складывается не так: и друзей-то нет, и с работой ничего интересного, и зарплаты кот наплакал, и сам он из себя ничего примечательного и внушающего уважения не представляет, хотя должен бы – вон какой богатый внутренний мир! Познакомился с девчонкой, женился и… взял ее фамилию. Тоже простую, но татарскую. Блажь? Ан нет, тонкий расчет. К моменту женитьбы Артему стало ясно: всем в городе заправляет татарская мафия, потому позарез нужна соответствующая фамилия. Мол, если она есть, все двери, лазейки, калитки и даже черные ходы открыты, получите, уважаемый, место у общаковой кассы! Насчет обрезания он как-то не задумывался, видимо, его планы так далеко не шли. Но время бежало, а деньги в конвертах никто не нес, нонкоитального респекта не выказывал, занять теплое место у какого-нибудь руля не звал. Что же пошло не так? Мыслительный процесс не прекращался, напоминая мартеновскую печь, старые, пришедшие в негодность идеи плавились и трансформировались, чтобы в итоге кристаллизоваться в нечто совершенно новое.

Ответ на все вопросы пришел неожиданно, поразив Артема своею стройностью и простотой: он, Артем, на самом деле и не человек вовсе! Он – дитя союза Бога и Сатаны. Ни больше, ни меньше. Посему человеческая возня его не интересует. Что ему татарская мафия и родной когда-то автозавод – он сам по себе крут, как десять заповедей! Осталось дождаться, пока родители отвлекутся от проблем вселенского масштаба и обратят взоры на забытого сына. Вот тогда он всем покажет места рачьих зимовок! Лично экскурсантов в преисподнюю наберет и сам сводит; а чего стесняться, там все свои, можно сказать, родные. На завод он, соответственно, ходить перестал: вдруг придет кто из настоящих родителей, а он на работе – неудобно получится. Перестал расписываться в документах и ведомостях; не положено сыну божьему, да и дьявольскому в облом. Пришлось оформлять адско-небесному отпрыску группу инвалидности и лишать дееспособности. Больше всего поразил папа (биологический, не подумайте чего!): как только Артем стал инвалидом, да еще и недееспособным, тот пришел к врачу и серьезно так поинтересовался, кем теперь сын может работать. За сим повисла пауза, поскольку даже буквы в предполагаемом ответе доктора были непечатными, а врожденная интеллигентность не позволяла все это великолепие озвучить. Так с тех пор Артем и завис меж адом и раем, периодически с надменно-неземным выражением лица посещая диспансер – божий ты сын или чертов, а уколы делать надо!

Падший ангел в который раз
пытается покончить с собой

Наш зав

Заведующий амбулаторной службой Виктор Александрович – человек с развитым чувством юмора. Умеет пошутить над коллегами, сохраняя невозмутимое выражение лица, и многие покупаются на его шутки.

Как-то, еще будучи участковым психиатром, сидел он на общедурдомском профсоюзном собрании аккурат позади шефа, Матвея Григорьевича, и вполголоса вещал развесившей уши коллеге из дневного стационара:

– Вот вы говорите, Татьяна Евгеньевна, психотерапевт, принципиально новая методика… А в чем ее принципиальная новизна? А я вам скажу. Они с больными на группу приносят два-три литра вина. Или, если особая дата, то пару-тройку бутылок коньяка. Очень способствует установлению доверительных отношений и раскрытию индивида в коллективе. Правда, пару раз перестарались, на песни похабные перешли, но ведь и метод новый, еще не отработанный. Думаю, за ним большое будущее.

Сидевший впереди Матвей Григорьевич весь обратился в слух, а по окончании собрания с суровым видом направился в сторону психотерапевта, откуда потом несколько минут раздавались голоса: укоризненный хриплый бас заведующего и тоненький возмущенно-оправдывающийся голосок Татьяны Евгеньевны.

Запомнилась и другая шутка. Работал у нас врачом Ефимыч. Очень колоритный доктор, невысокий, плотно сбитый, с карлсоновским брюшком, лысый и удивительно жизнерадостный. Были у него в жизни две страсти: выпивка и женщины. С женщинами, в силу семидесятилетнего возраста, было не все гладко; помнится, на каком-то корпоративе он получил отпор от возмущенной процедурной медсестры, которая заявила ему:

– Ефимыч! Да в твоем возрасте уже только давление может подыматься. Тебе уже на кладбище прогулы ставят, старый черт, а все туда же!

А вот со спиртным было полное взаимопонимание. Однажды после удавшихся выходных Ефимыч топал походкой тяжелобеременного пингвина в свой кабинет. Как раз мимо Виктора Александровича, который рассматривал кофемашину в буфете. Увидев Ефимыча, он оживился, поздоровался и, приобняв его за плечи, доверительно поведал:

– Ты в курсе, чем наш буфет промышляет? Нет? А ты внимательно погляди на их кофейный агрегат. Из двойного носика Маша кофе наливает. А из отдельного краника (тут он указал на носик для кипятка и пара) – самогон, очень, кстати, качественный. Девятнадцать пятьдесят за сто граммов.

Ефимыч честно держался полдня. Пил минералку, давился некрепким чаем. Но разве выдержит горящая душа, когда под боком такая роскошь! Маша сильно удивилась, когда пингвинчик, переваливаясь с боку на бок, притопал к ней и шепотом попросил «стаканчик того, за девятнадцать пятьдесят»…

Царь Олег. Очень приятно

Пациент, о котором пойдет речь, более десяти лет наблюдается в нашем диспансере у моего приятеля. Шизофрения, вторая группа инвалидности. Активное диспансерное наблюдение, как это предусмотрено для лиц, совершивших либо склонных совершить общественно опасное деяние. Впрочем, ничего подобного Олег себе не позволял, да и вряд ли позволит, но… Судите сами.

Манифест заболевания пришелся на конец восьмидесятых. Олег вдруг решил, что он завидный жених: как же, ему приводили свататься дочь самого Черненко, да вот Леонид Ильич Брежнев не позволил. Прямо так из могилы и заявил: не будет, мол, тебе, Олег, моего партийного благословения. Так и остался парень холостым. После расстройства предполагаемой свадьбы, а также эпизода с вымогательством у него денег (ну, вы помните те лихие годы, когда каждый третий вдруг возомнил себя крутым до неимоверности) пациент уехал в деревню и занялся пчеловодством. Вопреки ожиданиям, свежий воздух и пчелы не принесли покоя мятущейся душе, и вскоре заступивший на пост президента Борис Николаевич Ельцин получил пухлый конверт из одного поволжского села от пчеловода Олега. В письме Олег предупреждал президента о том, что силы зла во главе с Леонидом Якубовичем готовят насильственный захват власти и что он, Борис Николаевич, падет жертвой американского самолета-шпиона, с которого и будет произведено коварное покушение. Далее на листе формата А-4 шел подробный список лиц, которые также падут жертвами заговорщиков. К силам зла был причислен и Чубайс, обозначенный как снайпер из ДЗОТа, где окопался в качестве подтанцовки на случай, если самолет-шпион промажет.

Также загадочный пчеловод пообещал мысленно передать президенту координаты открытого им богатого месторождения нефти и попросил ментально подготовиться к сеансу передачи (время такое-то, частота ментальной волны такая-то), дескать, мне деньги не нужны, а вам для блага отечества не помешают.

В администрации президента и прокуратуре, конечно, взяли на заметку кандидатуру Чубайса как латентного снайпера-маргинала, но гневно рыкнули в сторону психиатров: мол, мы тут со своими дураками не успеваем справляться, так еще и ваши в виде бонуса добрые вести приносят! Пришлось пчеловода, вернувшегося к тому моменту в город, госпитализировать. То ли что-то пошло не так с сеансом ментальной передачи координат, то ли обиделся Олег на политико-экономическую нечуткость Бориса Николаевича, только дарить месторождение он передумал. И на пятый день пребывания в отделении на обходе попросил заведующего дать ему в долг под расписку двести миллионов долларов на нефтеразработку. У доктора при себе таких денег не оказалось, и поиск нефти был отложен до выписки.

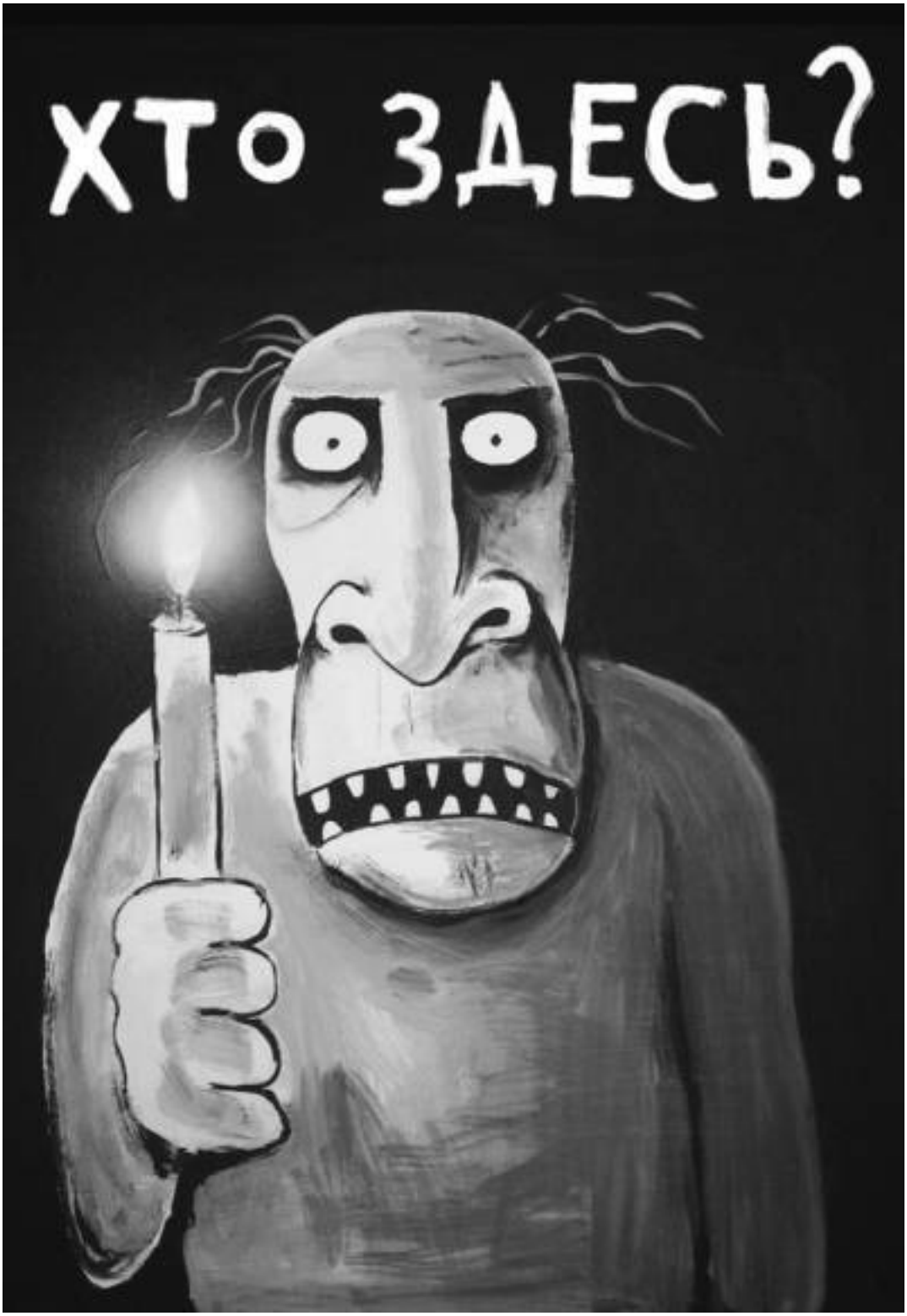
Владимир Владимирович, сменивший на посту уставшего Бориса Николаевича, тоже не остался без внимания и вскоре получил письмо с предложением сотрудничать в области нефтедобычи. Олег доверительно сообщил, что по сведениям, полученным из зуба, в который вмонтирован высокотехнологичный нанопередатчик, залежи нефти в районе Тольятти большие, ровно один биллион тонн. Владимиру Владимировичу с Олегом хватит. Реализовать добытое богатство он предложил через аукцион, но с одним условием: чтобы свою долю получили Юлия Панкратова, Сергей Лавров, Владимир Жириновский и любимый доктор – фамилия, инициалы. Себя же он скромно попросил назначить мэром любимого города. Также президент получил предупреждение о страшной организации врачей-убийц во главе с заведующим отделением, где лежал Олег: мол, враки это все, что там людей лечат, там под гипнозом всем несо-

гласным с заговором Якубовича вырезают щитовидную железу. Начисто. И человек посредством такого тиреообрезания[26] становится дебилом.

Не получив внятного ответа, Олег окончательно разуверился в том, что добро когда-нибудь победит разум, а потому предпринял радикальный шаг. Он заказал фирменный штамп в одной из городских фирм, и теперь рядом со своей красивой подписью в конце письма (президенту, конечно, танки клопов не давят!) ставит печать: «царь Олег». Просто и скромно.

К исполнению.

[26] От латинского названия этой железы – glandula thyr(e)oidea.


ХТО ЗДЕСЬ?

Кататония-йога

У методик, предполагающих суггестию (тот есть внушение), есть побочный эффект, существенно сужающий круг их использования в лечебных целях. Пациенты психотического профиля (шизофреники, органики с психотическими проявлениями и т. п.), а также некоторые из невротиков на гипнозе и глубокой медитации, что называется, плывут. Затруднюсь описать механизм повреждения, наносимого психике этих людей гипнозом; да и любой другой специалист, будучи лишен возможности откинуть крышку и предъявить тараканов к осмотру, будет вынужден с умным видом возводить изящные словесные замки. А что, барышням нравится. Но факт остается фактом: держите гипноз и глубокую медитацию подальше от психотика!

Чудеса обычно начинаются после визита в город гипнотерапевта-гастролера (своих, по большей части, успели предупредить) или, что хуже, адептов сахаджа-йоги. Слова плохого не скажу о самом течении, но оно все же для психически здоровых людей. При этом наших туда тянет как бульдозером. Как-то визит Шриматаджи[27] совпал с днем города. Гуляли мы с женой по парку и набрели на кружочек йогов. Далее была просто песня: «Здравствуйте! Как дела? Лекарства пьете? Ну, молодец. Здравствуйте! А вы почему на приеме давно не были? Ай-ай, безобразие, приходите, ждем. И вам доброго дня! Напомните мне, какого числа последний укольчик у вас был? Ага, значит, следующий через неделю, приходите…»

Вот яркий пример, даже два: Сергей и Алла. Милейшие люди, ценные работники (не пьют, не курят, слова плохого от них не услышишь), грамотные специалисты. Ровно до того момента, пока не посетят очередную пуджу[28]. У Аллочки психика более тонкая и нежная, она впадает в состояние кататонического ступора прямо в ходе медитации. Все ей завидуют: как же, поглядите, какой продвинутый ученик – не успела мантру пропеть, а уже в самадхи! В полном. Да у нас таких йогов в иные месяцы по полпалаты на отделение набирается! Потом, когда понимают, что добром она из своего самадхи не выйдет, звонят адептам школы аминазина с галоперидолом – мол, пещер на всех не хватает, забирайте себе.

Сергей обычно держится дольше. Мужик все-таки, либо психика крепче, либо воображение победнее, но одну-две пуджи честно отхаживает. Его накрывает потом, причем внезапно. Был случай, когда позвонили с проходной ВАЗа, где-то уже к ночи ближе, и попросили забрать свой статуй лебастровый. Потом выяснилось, что Сережа утром пошел на работу, да немного не дошел. Застыл изваянием перед проходной. Спешащий на работу люд подвинул его в сторонку, чтобы проходу не мешал. Вот он и не мешал, пока очередная смена вохровцев не поинтересовалась, а что это за новая деталь интерьера тут объявилась? И ведь ничто никого ничему не учит. Приедут сахаджа-йоги снова и вновь обеспечат нас работой. Опять же, глядишь, кого новенького среди адептов накроет.

---

[27] *Шриматаджи*, или *Шри Матаджи* – гуру из Индии, основательница сахаджи-йоги.

[28] Индуистский религиозный обряд с молитвами.

Ван Хельсинг

Всякая ситуация имеет столько версий и трактовок, сколько человек ее наблюдают. Не считая реального положения дел. Вот, скажем, один случай: пациент с шизофренией, наблюдается много лет, имеет вторую группу инвалидности, периодически лечится в связи с обострением параноидной симптоматики. Так видим ситуацию мы, психиатры. Реальность Александра много более драматична и расцвечена в мрачновато-готические тона.

Дело в том, что вокруг Александра наряду с обычными гражданами живут вампиры и оборотни. Здороваются с ним каждый день, делают вид, что ходят на работу, в школу или институт, ловко маскируя свою темную сущность за обликом законопослушного электората. Следы своих ужасных деяний они тщательно маскируют, лишь иногда мелькнет кровавое пятно в углу рта или на одежде да повеет мертвечиной. Еще собаки спасают. Они чуют, кто есть кто. У Александра их четыре, они – надежные помощники в его священной миссии. Если б не он, вымер бы Тольятти. И покупала бы страна «Жигули» вампирской сборки. Никому нельзя верить. Даже родственникам. Вон, младшего брата уже вампиром сделали. Иначе с чего бы ему бояться священного электрошокера! Ну, ничего, арсенал у Александра большой, на всех хватит. На днях опять братец-вампиреныш приходил, уговаривал идти сдаваться докторам. Размечтался! Да там вампир на оборотне и Франкенштейном погоняет! Вон, лет пять назад электрошоком мозги поджарили, так года три вампира от обычного человека отличить не мог, все вокруг казались добропорядочными горожанами, а так ведь не бывает! Не может такого быть, чтобы все скоропостижно исчезли. В общем, спустил на брата собак. В обоих смыслах.

Нечасто госпитализация одного человека собирает вместе столько людей разных специальностей. МЧС, сотрудники ЖЭКа, милиция, отряд по отлову бродячих собак и, естественно, спецбригада. И толпа соседей в качестве массовки. Наверное, замок средневекового феодала средней руки во время осады собирал толпу заметно скромнее. Вскрыв дверь (МЧС), осаждающие столкнулись с яростным сопротивлением со стороны собачьего авангарда, которое было сломлено залпом из ружей с транквилизаторами (отряд по отлову собак). Вперед пошла группа захвата (спецбригада в лице двух санитаров); милиция в виде наблюдателей за законностью происходящего скромно стояла на пороге. Наконец упакованного в кокон вязок Александра повели в санитарку. Финалом этой драме послужили два рюкзака с арсеналом, которые вынес и положил к ногам служителей Фемиды брат (который вампир). В рюкзаках лежали электрошокеры, баллончики с газом и газовые пистолеты, вызвавшие заметное оживление в рядах милиционеров, и много-много деревянных колышков. Скорее всего, осиновых.

Не пей, зомбеночком будешь!

Этот случай произошел, когда я учился в Самарском меде. Как-то теплым летним вечером, уже ближе к сумеркам, шел я по улице Лунной в сторону ее пересечения с Партизанской. Дорога пролегала мимо кладбища, наводя невольно на размышления о вечном и о бренности бытия. Ну, еще пара-тройка ужастиков до кучи на ум взбрела. Так я шел себе и шел, пока мой взгляд не упал на милицейский «уазик», остановившийся на кладбищенской аллейке близ одной из могил. Ну, думаю, чью-то память почтить приехали, топаю себе дальше. Потом ощущаю некую неправильность умозаключения и пытаюсь понять – что не так? А, вот оно: навещать усопших как-то больше днем принято. Становится страх как любопытно, иду тихо, аки тать в нощи. Из машины выходят два милиционера, открывают заднюю дверцу фургона и извлекают из недр своего джипа вусмерть пьянющее тело. Тело сопит, храпит и на перемену своего положения совсем не реагирует.

– Как ты нас уже достал, Колян, – изрекает один товарищ в погонах.

– Ты тут бухаешь, а мы тебя до вытрезвителя катай три-четыре раза в неделю, – подхватывает второй.

– Короче, полежи-ка здесь, оклемайся, подумай о жизни и смерти.

С этими словами они возложили тело на могильный холмик (тело тут же уютно свернулось клубочком и захрапело), сели в «уазик» и уехали.

Но пасаран!

Пациент моей жены, Виталий, уже фигурировал в рассказе о всеобщей грамотности. Эта история тоже о нем. Описанные в ней события происходили, когда Автозаводский филиал психдиспансера еще находился на почетном расстоянии от головного учреждения, посему, помимо приятственной удаленности от высокого и грозного начальства, у врачей имелся еще один (менее приятный) бонус в виде долгого отсутствия спецбригады в случае острой необходимости.

Таковая как раз настала, когда однажды Виталий пришел на прием, двигаясь как на шарнирах, весь до крайности тревожный и подозрительный. Войдя в кабинет, он тут же заметался по небольшому, в общем-то, пространству, присматриваясь, прислушиваясь и даже принюхиваясь. Наученная богатым на происшествия опытом работы медсестра, перехватив взгляд доктора, тут же ретировалась из помещения, чтобы набрать заветный номер с мальчиками по вызову. Больной, суетливо нарезав круг по кабинету, запер дверь, и доктору стало слегка не по себе.

– Я вас спасу, Оксана Владимировна! – отважно произнес Виталик.

– От чего, горе мое? – поинтересовалась Оксана Владимировна.

Выяснилось, что, еще работая в милиции до своего первого обострения, пациент услышал сентенцию, что, мол, из органов просто так не уходят. Запала она в его мятущуюся душу, а в какой-то момент заняла свое место в его бредовой системе. Да не просто заняла, а послужила запальным шнуром к нынешнему обострению. Виталию стало казаться, будто вокруг него плетется паутина заговора, да не простого, а ментовского. Будто хотят его, болезного, под белы рученьки взять да на Колыму упрятать без права переписки. А там глядишь, и спишут втихую: был человек – и нету. А чтобы точно никто о нем не вспоминал, и любимого доктора заберут. Много нынче слухов про врачей-убийц, припаять можно что угодно, лишь бы про него, дорогого товарища Виталика, бывшего сотрудника сами знаете каких органов, никто не вспоминал и лишних вопросов не задавал. Вот и пришел он, стало быть, с важной спасательно-оборонительной миссией.

– Я тут оборону пока займу, Оксана Владимировна. У меня, что называется, мышь не проскочит. А то вон чего удумали! – Тут он выглянул в окно. – Ага, голубчики, спалились, думали, я не пойму! Один на углу стоит с коляской, ребенком, гад, прикрывается. Вон еще одна под беременную косит, а третий под старичка загримировался. А попробуй проверь, что у него в авоське да у первого в коляске – весь суперновый арсенал, поди, притащили. Сейчас и другие подтянутся. Только вы не бойтесь, Оксана Владимировна, вот вам четки, – он протянул пригоршню крупных бусин на ниточке, – вы помедитируйте, успокойтесь.

Следующие два часа прошли в медитации, написании амбулаторных карт и заполнении посыльных листов для очередной МСЭК (надо же рационально использовать время, пока есть возможность!), а также во взаимных уверениях друг друга в том, что все будет хорошо. Когда спецбригада пинком выбила дверь, Виталий храбро, с криком: «Мочи поганых! Эх, кто ж вас всех-то хоронить будет?!» – бросился на защиту доктора. Несколько минут поваляв друг друга по кабинету, стороны пришли к выводу, что поездка до дурдома таки состоится, и повязанный, но не сломленный пациент гордо покинул кабинет, шепнув врачу: «Вы не тревожьтесь, я все возьму на себя!» Четки жена вернула Виталику после выписки, поблагодарив его за столь трогательную о себе заботу.

Злостная кверулянтка[29]

Когда-то, во времена империи, было модно писать в НКВД: «Как сознательный гражданин и истинный патриот своей Советской Родины, преданный делу КПСС, довожу до Вашего сведения…» Те времена прошли, а люди не изменились, не ослабевает поток писем в соответствующие инстанции. Наши пациенты тоже продолжают вносить в него свою лепту.

Наблюдается в нашем диспансере пациентка по имени Галина. Со своими соседями сверху Галина находится в состоянии перманентных боевых действий. Благодаря ее бойкому перу соседи успели познакомиться с работниками ЖЭКа, мэрии города, СЭС, участковым милиционером, следователями из прокуратуры; писала она и президенту России (возможно, я кого-то упустил, простите великодушно). От этих облеченных властью лиц семья, которой не посчастливилось жить над скорбной головою Галей, узнала про себя массу интересного и интригующего. Помните Пушкина:

Сосед наш неуч, сумасбродит,
Он фармазон; он пьет одно
Стаканом красное вино…

А тут похлеще, хоть и в прозе. Соседи с удивлением для себя обнаружили, что являются шайкой сутенеров, замечены в кровосмесительных связях, оргиях, повальных пьянках (может, обиделась, что не пригласили?) и прочей аморалке. А еще они, аки спайдермены, лазят по ночам на веревках к ней на балкон с коварными намерениями облить мочой и посыпать пеплом ее свежепостиранное белье (видимо, такое сильное спайдерменское колдунство), а саму Галину пристрелить из незаконно приобретенного у мафии всея Тольятти пистолета. Но то ли ракурс для выстрела подводил, то ли совесть просыпалась, а до смертоубийства дело так и не дошло. Соседям пришлось потратить время и нервы, объясняясь и доказывая, что они не верблюды, тьфу, не пауки. И так много раз. К чести соседей, никаких ответных демаршей против Галины они не предпринимали и параллельной переписки с инстанциями не вели.

[29] *Кверулянт* – жалобщик, сутяга; психопатическая личность со склонностью к сутяжничеству.

Есть у структуры бреда интересное свойство: если только это не истинно паранойяльная моноидея, остающаяся неизменной годами, следует со временем ожидать расширения бредовой системы с включением в нее все новых лиц и событий. Бредовая система Галины не стала исключением, и вскоре прокуратура была осчастливлена целым списком лиц с указанием, за кем какой грешок водится. Ну, соседи, как закоренелые сутенеры-скалолазы-убийцы, в нем первыми отметились, как же без них… Далее вор в законе (вот уж не в курсе, знал ли несчастный, что он вор), своровавший все деньги из такого-то банка, еще лиц десять с грешками помельче, а также особенно запомнившийся гражданин, воровавший электроэнергию непосредственно с Волжской ГЭС (затрудняюсь представить себе этого сверхчеловека, тырящего мегаватты с высоковольтных линий электропередач, воображение сдается).

Одним из последних было письмо прокурору России (всея), непосредственно в Кремль. В послании она требовала «выгнать с АвтоВАЗа и расстрелять спец. Кутузовский колхозный список» (привел как есть), в составе четырех деревень: Клявлино, Кутузово, Георгиевка и Волоколамка, которые в 1941 году позорно дезертировали (четырьмя селами плюс скарб и скотина), в Вино-Сборном вырубили себе село и жили «в немецко-фрицевской предательской Родины форме», и было у них триста пушек и машины немецкие. Жили себе припеваючи, жрали людей из соседних сел (список) и получали нетрудовые доходы аж из самой Германии. А потом, не иначе как по приказу с Запада, всем скопом подались на АвтоВАЗ. А тут недремлющая Галина – получи, фашист, гранату! В общем, прокуратура нас даже просить ни о чем не стала. По тону их письма, с которым нам были переданы сии художества, было заметно, что они тоже насладились.

О галлюцинациях

Немножко о галлюцинациях. Вообще о них можно рассказывать часами, поэтому здесь я приведу лишь несколько примеров, которые запомнились в силу своей необычности.

Как-то раз снимали ломку героиновому наркоману в условиях психиатрического стационара.

Было решено использовать атропиновый метод, когда пациенту вводится атропина сульфат до момента развития атропинового делирия. Под этот метод подведена солидная теоретическая база, но суть его сам наркоман просто и доступно обрисовал следующими словами:

– Вы знаете, доктор, я уже не помню, как у меня ломка прошла. Когда полезли из всех углов и щелей разноцветные мыши и тараканы, я про нее как-то и забыл. А уж расцветки у них – мама, не горюй! Смотрю я на них, а сам пытаюсь вспомнить, где же я тут дозу заначил? Ищу, а они вокруг ползают, а я на них поглядываю и ищу, ищу… Так в поисках да любовании всем этим зоопарком ломка и прошла, я только помню, что устал и в сон проваливаюсь, а проснулся – и все, и ничего не болит, только слабость жуткая да во рту как стадо педерастов побывало.

Другой запомнившийся эпизод со зрительными галлюцинациями был у алкоголика в белой горячке. Его, тщедушного мужичонку, чуть ли не на сгибе локтя доставила возмущенная супруга, причем просила она вылечить муженька… от бреда ревности! Стал разбираться, расспрашивать, как докатились до такой жизни. Оказывается, у мужика профессиональная вредность: он сантехник. Что бы и кому бы он в квартире ни сделал, расплачиваются угадайте чем? Вот на фоне такого ударного труда мозг и сдался. Стало мужику казаться, что прилетают к его жене инопланетяне. А кто же еще может быть тщедушнее его, зелененьким и глазастеньким? Он жену честно предупредил: завязывай, мол, с инопланетными сексуальными контактами, а то подхватишь какую звездную болезнь (или галактическую, от них, засранцев зеленых, всего можно ожидать, шарятся себе повсюду на своих тарелках, ну чисто дальнобойщики!). Даже попытался подкараулить, полночи в засаде сидел и почти уже было поймал негодяев с поличным, но был жестоко придавлен подушкой и наутро доставлен в приют скорбных головою. Ну, ничего, вылечили, жену он простил, тем более что она ему постоянно то борща, то пельменей норовила принести, «а то ведь горит, бедный, на работе».

Как-то раз к моей жене пришел на прием больной с ее участка и, очень смущаясь, поинтересовался:

– Доктор, мне тут голоса в голове приказали принести в больницу топор и зарубить вас и вашу медсестру. Только я их не послушался, нет. Я правильно сделал?

– Ну конечно, правильно! Вы присаживайтесь, я вам сейчас направление на госпитализацию напишу.

– Хорошо, доктор. Только вы санитаров попросите, пусть они топор, который я принес, заберут от греха подальше. Я его вон в тот сугроб выбросил…

И еще один эпизод. Пришел ко мне на прием пациент. Спрашиваю:

– Голоса есть?

– Есть.

– Что за голоса, о чем рассказывают?

– Да так, ни о чем, просто музыка в голове и песни разные.

– Ладно, выпишу вам таблетки, чтобы подлечить.

– Доктор, а может, не надо? Я один живу, мне скучно, а тут какое-никакое, а развлечение…

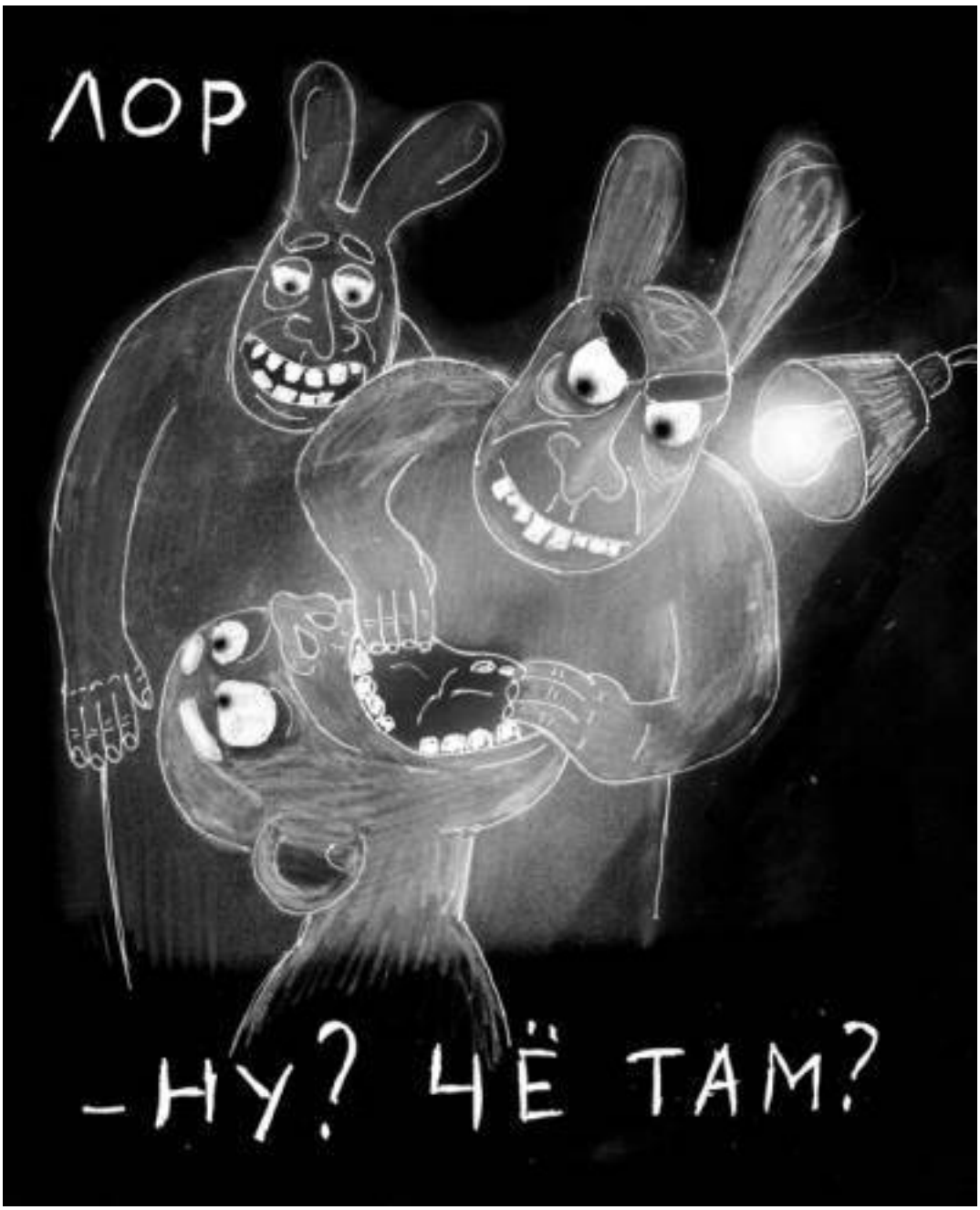
Ипохондричка

Среди пациентов невротического профиля есть одна категория, которая доставляет много хлопот и забирает уйму времени и сил, прежде всего психических. Это ипохондрики. По счастью, на каждом из участков их не так уж и много, что несколько успокаивает и даже приносит тихое врачебное счастье. Зато уж если такой пациент пришел на прием – это всё; следующие полчаса или более рабочего времени вы уже не сможете посвятить ничему другому, вас не оставят в покое, пока не изложат список всех накопившихся жалоб.

Ко мне с завидной регулярностью ходит на прием дама шестидесяти с хвостиком лет. У нее все плохо: тело болит, сердце болит, позвоночник ломит, кровь плохая, моча еще хуже, а про кал страшно и сказать. Унитаз, видимо, бледнеет и вжимается каждый раз в угол, безмолвно вопия – мол, хозяйка, за что?! О других органах лучше и не напоминать, иначе к следующему приему заболят тоже. Плюс тревога. Плюс тоска. Плюс отсутствие работы и хроническая неудовлетворенность ситуацией в стране, политикой партии и правительства. И все бы ничего, с иными пациентами поговоришь ласково, назначишь что-нибудь новенькое, интересненькое, либо хорошо забытое старое под лозунгом «из стратегических запасов Родины», а то и просто посоветуешь в случае острого приступа вселенской тоски с мизантропией капнуть несколько капелек коньячка на кусочек сахара да и подержать во рту, пока не растворится, – глядишь, и люди роднее покажутся, и над страной тучи чуть разойдутся. А тут нет. Не тот случай. Человек туеву хучу времени проработал учителем. Я уже говорил, что всеобщая грамотность нас погубит? Так вот, повторюсь. Досконально штудируется аннотация на любое лекарство, выискиваются все возможные побочные эффекты, потом следует звонок домой доктору и скорбным голосом сообщается, что нет никакой возможности принимать препарат, а ведь он мог так помочь, так помочь, но теперь мучения будут ужасными и нескончаемыми. Причем звонки в отдельные периоды могут быть ежевечерними, с подробным описанием злоключений своего драгоценного, но ни на что не годного организма, вплоть до его отклика на съеденный час назад пирожок, в котором – о ужас! – оказалось слишком много яиц: «Вы же сами знаете, как это вредно для печени!» Все попытки сориентировать человека на что-либо вне ее самой оказываются бесплодными: включаются псевдодементные элементы, и вас просто не слышат – врач сошел с ума, мне ТАК плохо, а он рекомендует найти себе занятие по душе! Объяснять, что просто так бывает хорошо только от наркотиков, бесполезно и чревато.

Весь прошедший месяц пациентка не находила себе места: ей становилось и так плохо, и вот так, и еще разэтак. Меня, честно говоря, несколько удивило такое развитие симптоматики; объяснив больной, что в случае ее смерти от ипохондрии я получу какую-нибудь Нобелевскую премию и стану, наконец, богатым и знаменитым (поскольку ни одной подобной смерти до сих пор зафиксировано не было), я стал копаться в причинах дальше. Вы знаете, я нашел! На днях у нее должен родиться внук. Вместо того чтобы радоваться, она воспринимает этот замечательный факт только с отрицательной стороны: сын и зараза-невестка теперь будут уделять меньше внимания ей, любимой. Всё, завтра буду вставлять моральных люлей!

Подарок для глухого



Был у меня как-то раз на приеме интересный пациент. За шестьдесят лет, пенсионер, третья группа инвалидности. По глухоте. В детстве было несколько черепно-мозговых травм и отит, в результате слух пропал полностью. Говорить он научился в школе-интернате для глухонемых, говорит громко, растягивая слова. Вопросы пациенту мне пришлось задавать в письменном виде. Что же произошло? Оказалось, Виталий пару месяцев назад… стал слышать!

Ему бы и возрадоваться, ан нет, не тут-то было. Слышать он стал голос внутри себя, и этот новообретенный голос ведет себя по-хамски: мало того, что наглым образом звучит, не разбирая времени суток, так еще и всячески оскорбляет, гад! Повторить, как конкретно и в каких выражениях, Виталий наотрез отказался: не позволило воспитание. А еще появилось чувство, будто не сам по себе этот голос взялся, а вроде как был транслирован, подобно радиопередаче, откуда-то издалека, «словно кто-то передает, а внутри меня что-то эту волну прини-

мает». Мало того, дальше и вовсе чертовщина началась с элементами мистики и дурной паранормальности: стал он по ночам ощущать, будто бы вылетает из собственного тела и парит под потолком аки шарик с гелием, поглядывая на спящих домочадцев свысока и с ужасом – мол, а обратно-то как же?

Вот и решил Виталий, что пора сдаваться. Как он рассказал, это решение далось ему не без труда: вроде бы и заведение не курортного профиля, да и голос масла в огонь стал подливать – мол, куда ты, дурень, собрался, врачи тебя обманут, помочь ничем не смогут, на таблетки с уколами посадят, а то и вовсе упекут куда-нибудь на веки вечные; может, народными средствами обойдемся, холодный душ или уринотерапия… Но пациент был тверд духом и на вражеские подначки не покупался. Порешили мы с ним, что с недельку он попьет лекарства, а там поглядим. Сияя как начищенный пятак, Виталий взял со стола рецепты с подробной письменной инструкцией приема таблеток и, уже уходя, заметил:

– А он вас боится, этот голос. Говорит, что вы можете его убить. Меня умоляет одуматься. Так что кто куда, а я – в аптеку!

Первертности военной службы

А эту историю рассказал нам, тогда еще интернам, наш сэнсэй, Павел Яковлевич. Разговор зашел о гомосексуалистах, о распространенности этого явления в армии, о том, каков преморбид (то, что предшествует развитию патологии) и отличается ли он в случае активного и пассивного вариантов. Пригревало весеннее солнышко, в открытые окна ординаторской отделения военной и трудовой экспертизы легкий сквознячок доносил запахи земли, прошлогодней листвы и костров – отделения приступили к уборке территории, отчего вся больница подернулась сизой ароматной дымкой. Настроение было самым что ни на есть философически-созерцательным.

– Я вам так скажу, Оксана Владимировна: природные задатки и причудливое сочетание генетического материала – это, конечно, важно. А самое главное – в условиях каменного века, в коих пребывает ДНК-диагностика, и в мракобесии темных Средних веков, в коих пребывает значительная часть экспертов – практически недоказуемо и может рассматриваться лишь как

предмет демагогического мудрствования с целью повышения самооценки и погружения в эротический транс юных барышень, что имеет определенные выгоды, но не есть комильфо для социально и психически зрелого психиатра. Не сбрасывайте со счетов условия окружающей среды, доктора! Вот вам пример.

Был у меня на экспертизе майор-педераст. Не в том смысле, который может вложить в это емкое понятие подчиненный рядовой состав, а в том, что женщинам предпочитал мужчин. Стал я с ним общаться, расспрашивать, как докатился человек до такой анальной жизни, и вот что он мне поведал. Оказывается, сначала был он активным, то бишь имел других анусострадальцев. А потом перетек в категорию пассивных. Спрашиваю, как же такое могло произойти? А он мне с мечтательной тоской в глазах и тихой грустью поведал, как был переведен на службу в Закавказский военный округ. «А там ТАКИЕ МАСТЕРА!..»

Дела экспертные

Мой друг, врач-психиатр Денис Анатольевич, принимает участие в проведении судебно-психиатрических экспертиз. Работа эта довольно интересная и захватывающая, учитывая контингент и деяния, который сей контингент совершает. Взять, к примеру, хлипкого тщедушного дебильчика с моего участка, который пытался подработать сдачей в металлолом крышек от канализационных люков. Когда его застукали за этим увлекательным занятием, он рванул с места с двумя крышками в руках – Кения нервно жует бананы, на всякий случай не слезая с пальм.

Впрочем, отжигают не только пациенты. Один из следователей отличился, описывая непотребство, учиненное испытуемым: «И совершил противоправное действие посредством полового члена…» – далее шло подробное описание, вплоть до количества произведенных фрикций. На предложение Дениса Анатольевича сменить карьеру и стать автором эротических романов следователь надулся, разобиделся и более с доктором напрямую старался не общаться, чем несказанно того осчастливил.

Периодически радуют своими бессмертными творениями психологи, проводящие тестирование подэкспертных. Только вслушайтесь, как звучит: «Можно утверждать, что подэкспертный К. самой последовательностью своих действий, направленных на причинение смерти потерпевшему, проявлял особую жестокость, агрессивность, не укладывающуюся в рамки возрастного периода». У меня вопрос: а что, есть такой возрастной период, в рамках которого убивать – это нормально? Мол, извините, возраст такой, позверствует пару годиков, и все пройдет само собой! Читаем дальше: «Количество нанесенных повреждений, опасных для жизни, очень велико и несоразмерно с умыслом на убийство». Я теряюсь в страшных догадках: что ж тогда за умысел был такой? Или товарищ просто план перевыполнил? Ну да ладно, едем дальше: «Кроме того, повреждения бетонной плитой, орудием преступления, как в целом виде, так и в разбитом, прямо указывают на преступление, совершенное с одномоментной ненавистью как к потерпевшему, так и к разрушенному орудию преступления, а то, что плита была расколота на четыре части, говорит о чрезвычайном уровне агрессии». Все, приплыли. Всех наш убивец возненавидел к исходу своего черного деяния. Кстати, интересная мысль насчет мерила уровня агрессии. Расколол бетонную плиту о пострадавшего на четыре части – уровень чрезвычайный, на три – высокий, на две – повышенный. Не смог расколоть плиту – двойка тебе, невысокий у тебя уровень агрессии, тренируйся дальше.

Другое заключение, другого психолога. Тоже несказанно порадовало: «Анализ рисунка несуществующего животного позволяет говорить о демонстративных тенденциях при наличии фиксации на половых органах, т. к. мальчик тринадцати лет рисует кота с крыльями и пририсовывает ему член и яички». Далее в тексте тоненько, так, чтобы можно было без труда их прочесть, зачеркнуты три последних слова и сделана запись: «Простите меня за эту похабность». А то вдруг эксперт стыдливый попадется, неудобненько получится как-то.

Так и развлекаемся: не больные, так экспертиза, не экспертиза, так психологи.

Вишлист

Эта история из копилки нашей подруги Татьяны. Она работает детским психиатром. Я уже высказывал мысль о том, что груши на яблоне не растут и что наследственность играет далеко не последнюю роль среди причин наших заболеваний, а тут такая роскошь! Просто невозможно отказать себе в удовольствии написать об этом.

Есть на участке Татьяны пацанчик-дебильчик, милый ребенок, только слабоумный. Более ничего – ни психопатизации, ни чего другого – ни-ни. Инвалид. Каждый год проходит переосвидетельствование, продляя группу. И вот однажды на пороге Татьяниного кабинета появляется его мама, вид которой заслуживает отдельного описания. Нет-нет, внешне все нормально, но вот… Представляете, как выглядит ребенок, когда или нашкодит, или собирается потребовать от строгого, но справедливого родителя чего-то непотребного? Еще так может выглядеть любимый щенок, сгрызший не менее любимый тапок. Вот именно с таким видом мама этого пациента бочком пересекает кабинет, сжимая в руке за спиной лист бумаги.

– Я к вам по поводу инвалидности. И ИПР.

ИПР – это индивидуальная программа реабилитации инвалида, если кто не в курсе. Тем, у кого недержание мочи, – памперсы, неходячим – кресла-каталки, кто не может трудиться в обычных условиях (это о взрослых) – трудовые рекомендации и так далее. Но здесь-то о чем может идти речь?

– У вас же есть пункт про технические средства реабилитации? Так вот, я тут набросала примерный список того, что нам нужно. – И с этими словами она разворачивает на столе перед доктором свой листок.

Друзья мои, вы все знаете (кто-то у кого-то видел, а кто-то грешен – писал сам), что такое wishlist, или хотелочка. А Татьяна, человек в интернетских заморочках неискушенный, увидела впервые.

– Телевизор, компьютер, стиральная машина, велотренажер, массажер… Ну, вы бы еще вписали горн, саблю и щенка бульдога! Или автомобиль.

– Ой, а что, автомобиль можно? Давайте я впишу, спасибо, как-то не подумала! – радуется дама и тянется за ручкой.

Премия Дарвина

Вначале небольшая справка:

«Премия Дарвина («Darwin Awards») – виртуальная премия, ежегодно присуждаемая лицам, которые наиболее глупым способом умерли или потеряли способность иметь детей и таким образом изъяли свой вклад из генофонда человечества, улучшив его» (цитата из «Википедии»).

Эта история скорее грустная, хотя все в этом мире относительно, и зачастую трудно однозначно оценить некоторые события.

Довольно долго, что-то около десяти лет, в нашем диспансере наблюдается паренек по имени… скажем, Александр. У него шизофрения, симптоматика одна и та же много лет: параноидная с суицидальными тенденциями и неоднократными попытками самоубиться, практически без критики к своим стремлениям и переживаниям, с мизерным и непродолжительным эффектом от медикаментозного лечения. При всем при этом он спокойный, тихий, всегда вежлив, корректен – ну просто паинька.

Несколько лет назад Александр отличился. Попал в стационар после очередной суицидальной попытки (кажется, наглотался азалептина[30]), прошел курс лечения, дело уже шло на поправку – по крайней мере, так всем казалось. Незадолго перед выпиской его отправили на Пасху домой в лечебный отпуск. Вернулся Саша из отпуска с опозданием и в сопровождении мамы, с выпиской от хирурга на руках. Оказывается, дома больной закрылся в ванной и маникюрными ножницами, вскрыв мошонку, удалил себе яичко. Выйдя из ванной, он уточнил у мамы:

– Я все правильно сделал?

Рана зажила достаточно быстро. Второе яичко вскоре тоже было удалено тем же способом. Потом были еще суицидальные попытки, госпитализации, упорное лечение без надежды на эффект… Недавно он пришел сдаваться в больницу сам:

– А то снова что-нибудь с собой сделаю, а я уже устал с ней бороться.

– С кем?

– Ну, с НЕЙ. Вы не понимаете? Я ведь для кого все делаю? Для нее. Она попросила отрезать – я отрезал. Она попросила спрыгнуть с высоты – я спрыгнул (было дело, долго потом кости срастались). Я все делаю, как ОНА просит, а она ко мне не приходит.

Так и не выяснив у Александра имени прекрасной и опасной незнакомки, столько лет изводящей его обещаниями неземного блаженства взамен на нечеловеческие страдания, я сел писать направление в стационар.

[30] *Азалептин* – антипсихотический препарат. Назначается при шизофрении, маниакальных состояниях и др.

Призрак курильщика

Эту леденящую кровь историю поведали мне в одной из психбольниц (не скажу, какой). В каждом психотическом отделении всегда найдется несколько постоянных обитателей, которые живут там годами, и никто уже толком не помнит, когда они туда попали. Они – свои, родные, они помогают санитарам, они безмолвными (или не очень) тенями бродят по коридорам, они создают тот особый колорит, без которого облик отделения был бы неполон и сух.

Вот и в этом отделении был такой больной, который чуть ли не сам же его и строил. Ничем он особо не выделялся, выполнял все предписанные процедуры, помогал мыть полы и выносить мусор, а в свободное время сидел в облюбованном уголке и курил. Как ведется доку-

ментация на психохроников? В толстенную, пожелтевшую от времени, пропитанную парами аминазина и понадкусанную мышами-токсикоманками историю болезни раз в полгода пишется дневник, где более или, что чаще, менее подробно описывается поведение и психический статус пациента. В истории болезни этого пациента, больше похожей на оккультный гримуар, тоже раз в полгода появлялась запись: «Психический статус за истекшее время не претерпел сколь-либо существенных изменений. Спокоен, упорядочен. Дефектен. Малообщителен. Аппетит и сон в норме. Фон настроения ровный. В свободное время сидит, курит». И так каждые шесть месяцев – мол, сидит, мол, курит. Но вот однажды пожилая санитарочка, положив на стол этот желтый ветхий фолиант, мимоходом обронила:

– Да что вы все его историю туда-сюда таскаете? Он, болезный, уж два года как помер.

Подскочили, бросились проверять – ну точно, так и есть. Врач еще сокрушался:

– Как же так? Я же на днях только его видел! Или это была галлюцинация? Он еще поздоровался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.